

ПЫЛЬ
И
СТАЛЬ

ИЛЬЯ КАРПОВ

Annotation

Наемник Таринор пытается выжить, меняя сталь клинка и пыль дорог на серебро монет. За плечами у него участие в восстании, а старые раны не дают спать по ночам. Душа воина жаждет покоя, но злая судьба увлекает его в водоворот чужих интриг. Та же судьба заставляет декана Маркуса, мага огня, покинуть стены академии, чтобы исправить ошибки прошлого. А вороньё уже кружит в небе, предвкушая кровавый пир.

Илья Карпов

Пыль и сталь

– Прости меня, Мерайя.

Дверь королевских покоев с грохотом распахнулась, и первым в комнату ворвался человек в нагруднике, испещрённом глубокими царапинами и вмятинами. Покрывала доспех красная накидка, изрезанная в лохмотья, а в кольчуге под ним кое-где недоставало колец. Тяжело дыша, он снял с головы шлем, стянул мокрый от пота подшлемник и утёр небритое лицо рукавом. Сжатый в руке меч покрывала запёкшаяся кровь.

Следом за ним быстрым шагом вошёл статный темноволосый мужчина в искусно сделанной цельнокованой кирасе, держа шлем под мышкой. Он выглядел ощутимо старше, а его безупречный кроваво-алый плащ украшало вышитое золотой нитью изображение грифона с растопыренными когтями. Из ножен на поясе торчала рукоять меча, отделанная белоснежной костью, с навершием в виде когтистой лапы, сжимающей драгоценный камень, и тонким золотым узором на гарде. Больше символ власти, чем оружие. Впрочем, вряд ли обладатель меча смог бы использовать его по назначению: правая рука оканчивалась завязанным в узел рукавом.

– Закрой дверь, Таринор! – скомандовал он и обратил взгляд на того единственного, кто находился в комнате, кроме них. – Наконец-то, всё кончено.

На краю богато украшенного ложа сидел исхудавший человек, облачённый в чёрный бархат с вышитым на груди золотым орлом. Его аккуратно причёсанные волосы, некогда были чёрными, теперь же стали наполовину седыми. Он глядел в пол потухшим мутным взглядом и сжимал в дрожащих руках белый платок. Рядом лежала искусно сделанная золотая корона в виде орла, раскинувшего крылья, украшенные самоцветными камнями и жемчугом. На полу стояла почти опустевшая бутылка вина.

– Прости меня, Мерайя, – повторил человек, не обращая взгляда на вошедших.

– Совсем лишился рассудка, как я и говорил, – брезгливо произнёс однорукий и медленно зашагал вперёд. – Король Альберт Эркенвальд дрожит в захваченном замке. Но не у себя, а в бывших покоях королевы. Там, где испустила последний вздох его жена. Моя несчастная сестра...

– Велите связать его сейчас или позвать остальных, лорд Одеринг?

– Связать? О нет, он понесёт наказание немедленно. Я слишком долго ждал и слишком много потерял, чтобы оставлять его в живых.

– Но как... – Таринор опешил. – Как же заложники в Одерхолде, милорд? Вы ведь хотели схватить короля и передать имперцам в обмен на них.

– Узнав о смерти Альберта Эркенвальда, имперским силам будет незачем удерживать Одерхолд. Моему замку ничего не грозит, – спокойно ответил лорд. Он потянулся покалеченной рукой к ножнам на поясе: – Проклятье! Никак не привыкну... Ты обезглавишь его, Таринор. А я в последний раз посмотрю его поганому величеству в глаза.

– Но ведь имперцы казнят там всех до единого. Сразу же, как только узнают о его смерти. Там ведь сотни ваших солдат, и... ваша мать, в конце концов.

– Старуху они не тронут, – невозмутимо парировал лорд.

– Но там ведь и ваш племянник, юный Эрвин. Его имперцы не пощадят. Как вы посмотрите в глаза его брату? Он же сейчас во дворе, прямо под окнами. Надеется, что короля обменяют на пленных, и не простит, если...

– Не забывайся, – нахмурился лорд Одеринг. – Хотя я и обязан тебе жизнью, хоть ты мой телохранитель, но ты всё ещё наёмник. Продолжение моей руки, остриё моего меча. Ослушаешься приказа – клянусь, живым Чёрный замок не покинешь!

Таринор посмотрел на сидящего на кровати короля. За всё это время тот ни разу не поднял взгляда, лишь повторял одну и ту же фразу. Его величество смирился с собственной участью.

– Чёрт тебя дери! – вскричал лорд Одеринг. – Судьба этого слизняка уже предрешена. Будь у меня обе руки, справился бы и сам. Я могу позвать сира Гильяма, он сделает всё без вопросов, но тогда следом жизни лишишься ты. Приказываю в последний раз: обезглавь Альберта Эркенвальда.

– Слушаюсь, милорд, – опустив взгляд ответил Таринор.

Лорд Одеринг стащил короля с кровати и поставил на колени. Тот и не думал сопротивляться.

– Последний штрих, – сказал он, надевая корону на влажные от пота волосы короля.

Через балкон с улицы доносились постепенно стихающие звуки битвы.

– Пусть Альберт Эркенвальд будет похож на короля хотя бы в последние мгновения своей никчёмной жизни. А когда я выйду к своим людям с его головой, эта проклятая война, наконец, закончится. Не медли, чёрт тебя дери! Покончим с этим здесь и сейчас! Убей его!

Клинок медленно поднялся над влажной от пота шеей. Дыхание короля судорожно прерывалось, а корона едва держалась на дрожащей голове.

– Давай! – голос лорда был полон нетерпения. – Сейчас же!

– Прости меня, Мерайя, – сорвалось с высохших губ короля. Он зажмурился, что есть сил, делая последний в своей жизни вдох.

Короткий взмах – и холодная сталь легко рассекла горячую плоть. Голова покатила по каменному полу королевских покоев, а обезглавленное тело безвольно рухнуло, проливая благородную кровь. Корона со звоном ударила о мраморный пол, потеряв несколько жемчужин и огненных капель янтаря, и покатила к ногам лорда Одеринга.

– Наконец-то, – его голос, что ещё несколько мгновений назад полный нетерпения, теперь звучал умиротворённо. Лорд поднял испачканную в крови корону и задумчиво проговорил: – Моя сестра отомщена. А теперь мой долг носить корону того, кто принёс ей смерть.

– Вы слышали его последние слова, милорд? – наёмник стоял у бездыханного тела и сжимал в руках окровавленный меч. Вид у него был угрюмый, а взгляд устремлялся то на держащего корону лорда, то на мёртвого короля.

– Прекрасно слышал. Слова этого человека ничего не значили для меня неделю назад, на переговорах. Ничего не значат и теперь.

– Даже слова о том, что он любил вашу сестру?

– И поэтому обрёл её на смерть?! – вдруг вспыхнул лорд Одеринг. – Мои лекари могли спасти и её, и ребёнка! Я просил его отправить Мерайю в Одерхолд, я умолял его. Но этот ревнивец не желал меня слушать. Пошёл на поводу слухов и решил убедиться лично...

– Но ведь он собственными глазами видел рыжие волосы новорождённого сына, – продолжал наёмник. – И даже после этого говорил, что любит её, сожалел о её смерти. Мы ведь оба видели его лицо, его глаза, полные слёз, когда он говорил об этом.

– Моя сестра была ему верна, – сквозь зубы проговорил лорд. – Короля ослепила ревность. Он был уверен в измене жены настолько, что был готов увидеть подтверждение

этому, даже если бы они с мальчиком были похожи, как две капли воды. Уверен, разговоры о том, что мальчик оказался слишком слаб, чтобы жить – тоже враньё, и после смерти Мерайи, он принялся за ребёнка. Этот обезумевший от ревности ублюдок отнял у меня и сестру, и племянника. Теперь он мёртв, а они отомщены. Это ли не справедливость?

– Если бы его убили вы, милорд. Но ведь пал он от моей руки, – с горечью в голосе проговорил наёмник. – Я не имел права...

– Тем унижительнее для него. Потомок самого Эдельберта Завоевателя убит безродным простолудином. Зарезан, как свинья.

– Вот дерьмо... – наёмник положил ладонь на лоб. – Теперь все они погибнут. Все те, кого имперцы держат в Одерхолде... Корвин, Мэл, коротышка Филберт. Мы сражались бок о бок, пили после победы при Лейдеране... Столько славных парней... Они ведь надеялись... Надеялись на вас и... меня. Это просто... Неправильно...

– Ещё одно слово, Таринор, и клянусь богами...

– Но Эдвальд...

– Замолчи! Отныне ты больше не вправе называть меня по имени, – свирепо проговорил лорд Одеринг, надевая корону на растрёпанные тёмные волосы. – Теперь всё будет иначе! Эта война раз и навсегда изгнала имперцев с наших земель. Весь последний год они теряли территории, теряли союзников, и теперь, когда они обезглавлены, им придётся оставить Энгату. После трёх сотен лет под пятой чужестранцев, земли наших предков наконец-то вернутся под нашу власть! А за погибших пленных я выпью на победном пиршестве. Они такие же жертвы войны, как и все остальные, кто сложил голову ради великой цели!

– И только теперь я вижу, в чём была ваша цель, – обречённо сказал наёмник и отпустил рукоять.

По комнате эхом разнёсся оглушительный звон стали.

– Я больше не желаю быть остриём меча... Ваше величество.

Эдвальд Одеринг удивлённо взглянул на него, но на его лице тут же появилась снисходительная улыбка.

– Что ж, иди. Но в таком случае единственной благодарностью за спасение моей жизни будет то, что я позволю тебе покинуть Чёрный замок живым. А ведь я собирался наградить тебя за службу куда более щедро. Посвятить в рыцари, дать место в новой королевской гвардии, – лорд смягчился и добавил со снисходительной улыбкой: – По-твоему его следовало оставить в живых? Проявить милосердие к убийце моей сестры? Ты ещё молод, Таринор, и веришь в идеалы. Когда-нибудь ты поймёшь, чего лишился из-за них.

– Вряд ли я буду жалеть об упущенном. Пусть кто-нибудь другой рубит головы ради вашей мести и жажды власти.

– Возможно. Но прежде, чем уйдёшь, ты исполнишь мой первый королевский приказ. Я желаю, чтобы то, что произошло в этих стенах, осталось между нами. Безумца и убийцу Альберта Эркенвальда обезглавил я, Эдвальд Одеринг, так это войдёт в историю.

Таринор с отвращением взглянул в полное превосходства и уверенности лицо лорда Одеринга. Солнце за окном клонилось к горизонту, и наёмник, не в силах больше терпеть выжидающий взгляд, больше всего на свете желал покинуть это место как можно скорее.

– Да, ваше величество, – холодно ответил он и зашагал к двери.

У самого выхода он обернулся, и от увиденного в горле застыл ком. Эдвальд Одеринг стоял на балконе, держа за волосы голову Альберта Эркенвальда, а с улицы доносилось ликование сотен голосов, славящих нового короля.

Таринор проснулся в комнатухе на втором этаже трактира «Белый дуб». Прошлым вечером его загнал сюда внезапно разразившийся весенний ливень, теперь же пришла пора идти дальше.

Он снял со спинки кровати свою старую стёганую куртку. Когда-то она была чёрной, но за годы сделалась тёмно-серой. Семь лет назад она служила поддоспешником, но кирасу и кольчугу он вернул в арсенал ещё когда уходил со службы Эдвальду Одерингу. Не раз латанная, с пришитыми тканевыми завязками на груди и поясе вместо прежних кожаных ремней, эта стёганка и по сей день служила Таринору надёжной защитой как от случайного удара, так и от холода.

Он надел куртку, перехватил поясом, набросил сверху плащ. Надел сапоги, сбил с них засохшие комья грязи, закинул дорожную сумку за плечо и сунул за пояс потрёпанные деревянные ножны с недавно купленным мечом. Вот теперь можно и в путь.

Старая лестница неожиданно и громко закрипела, стоило Таринору сделать по ней шаг, и отзывалась противным скрипом всё время, пока он спускался по ней. Должно быть, вчера он настолько устал, что этого даже не заметил. За стойкой протирал кружки черноусый трактирщик, а фигуристая девушка в белом фартуке подбрасывала уголь в очаг посреди зала. Похоже, из-за дождливой ночи и сырого прохладного утра хозяин не гасил его вовсе, а потому на первом этаже было куда теплее, чем наверху, где спал Таринор.

Неподалеку от очага за столом, положив голову на собственную пышную рыжую бородищу, мирно храпел довольно упитанный гном. Вчера его здесь точно не было, такого Таринор запомнил бы наверняка. Девушка, закончив с углём, собрала несколько кружек с его стола, со вздохом вытерла разлитую выпивку и скрылась за неприметной дверцей возле стойки.

– А вот и ночной господин проснулся! – от широкой улыбки усы трактирщика стали ещё пышнее. – Вы вчера так внезапно появились, что я уж было подумал, будто случилось чего. Ну, разбойники обобрали или ещё что похуже. Промокли, продрогли, я было хотел предложить горячей похлёбки, а вы, ни словом не обмолвившись, бросили монету на стойку да по лестнице наверх. Не впервой бывать в наших краях, раз уж о ценах наслышаны?

– Всюду, от Гирланда до Перекрёстка, ночлег стоит один серебряный марен, не больше, – ответил Таринор, садясь на трёхногую табуретку у стойки. – На Золотом тракте цены одинаковы, да и трактиры тоже.

– Стало быть, вы местный, – трактирщик отвернулся, ставя кружку на полку, а в голосе его послышались нотки обиды.

– Не угадал, трактирщик. Я нигде не местный, наёмник я, странствую. А что до здешних трактиров, да, пусть они и одинаковы, но, надо сказать, одинаково неплохи. Вчера вот, например, это место меня просто спасло: спать на земле в такой ливень – врагу не пожелаешь.

– Уж смотря какой враг, – хитро улыбнулся трактирщик. – Быть может, выпить чего желаете? Или вот похлёбка со вчера осталась. Вы только скажите.

Таринор, недолго думая, согласился. Перед дорогой и впрямь не мешало бы подкрепиться, а то от походной снеди его вот уже пару дней как мучила изжога.

– Рита! – громко позвал трактирщик, и из-за неприметной двери показалась та самая

девушка.

– Дочка, подогрей-ка похлёбки доброму господину, да поживее.

– Никакой я не добрый господин, – усмехнулся Таринор, глядя вслед девушке.

– Разве может радушный хозяин гостя не уважить? – удивился трактирщик. – У меня что ни гость, то добрый господин.

– Уважить может, если скажет, что у него в погребеке имеется бочонок «Чёрного леса». Уж очень мне это вино полюбилось за зиму в Гирланде. Конечно, тут до Золотого берега далековато, но вдруг.

– Обижаете! Найдётся у меня «лес». Сейчас принесу кувшинчик.

– Лучше половину, утро всё-таки.

Трактирщик скрылся за дверцей у стойки, едва не столкнувшись с дочерью с котелком в руках. Она направилась к очагу, а наёмник услышал неспешно приближающиеся шаги. Гном, что храпел за столом позади, грузно уселся на табуретку возле Таринора. В сравнении с его рыжей бородищей, доходившей до самого пояса, едва отросшая тёмно-русовая борода наёмника выглядела жалко.

– Уфф, – гном провёл по лицу широкой пухлой ладонью. – Топят здесь, конечно, сверх всякой меры. Вернётся трактирщик, скажу ему, что зима уж кончилась, нечего превращать трактир в жаровню! Пока спал, весь аж взмок, хоть исподнее выжимай! – он пригладил бороду и решительно протянул руку для рукопожатия: – Будем знакомы, Агдаз Кригг, торговец редкостями.

– Таринор, наёмник, – ответил Таринор, осторожно пожав гному руку.

– Не бойся, не укушу, – добродушно засмеялся тот, обдав собеседника спиртовым дыханием. – Значит, наёмник? Небось, на службе у лорда Морбета? Бывал я в Краесветном утёсе, красивый замок и выстроен добротнo, да и сам Винсент Морбет человек душевный. Купил у меня чудную золотую подвеску в виде рыбы, прям как на его гербе, для дочурки своей. А кастелян его, Герберт Айронхайд, угостил меня славной наливкой! Отменная, скажу я тебе, штука. Так что повезло, если на службе у Морбета был.

– С чего ты это взял? – прищурился Таринор.

– Да про зимовку твою в Гирланде услышал, как проснулся. Трактирщик, конечно, тот ещё фрукт, так глотку драть, когда рядом усталый гость спит...

– Чего это ты за столом спал? Неужто торговец редкостями не может позволить себе комнату в придорожном трактире? – усмехнулся наёмник. – Да и не опасно ли нынче в этих краях гулять в одиночку?

– Эх, видишь ли какое дело, – гном потупил взгляд, – У меня лавка в Могримбаре, вроде лавки старьёвщика, держу не для заработка, для души. Нынче там племяш мой заправляет, а я путешествую, ищу всякое. Когда с обозами, а когда пешком. Слава богам, пока уберегли от разбойников и прочей нечисти. Так уж вышло, что вчерашний ливень застал меня врасплох прямо на дороге...

– Не тебя одного, – улыбнулся Таринор.

– Я первым делом похлёбки взял, весьма недурной, к слову, а потом подумал, что не помешает выпить кружечку-другую горячительного. Могримбарской медовухой здесь, разумеется, и не пахнет, но вот пиво местное приятно удивило. Ну, я взял ещё кружечку, а потом ещё. Вот чего я не учёл, так это цену, что местный трактирщик берёт за снeдь. Золотой тракт, видать, неспроста так зовётся. Когда меня начало клонить в сон, я обнаружил, что совершенно пуст. В плане денег, конечно же. Потому и пришлось уснуть прямо здесь за

столом, а ведь я уже не молод, спина ни к чёрту... – гном вздохнул и добавил: – Говорят, будто бы гномы гадят золотом. Вчера я впервые пожалел, что это не так.

Дочь трактирщика Рита поставила на стойку миску и вылила туда полный черпак ароматного варева, наполнив её до краёв. Лицо Таринора обдало, а на столе тут же оказался ломоть хлеба.

– Не свезло же тебе, – задумчиво проговорил он, помешивая похлёбку. – Теперь дальше отправишься?

– Признаться, я совсем не восстановил силы. Что тут за сон-то, на табуретке... – проворчал гном. – Послушай-ка, уж не знаю, водятся ли у тебя деньги, но может быть, тебя заинтересует какая-нибудь безделица из тех, что ношу с собой? Тогда я бы смог заплатить за комнату и отдохнуть как следует.

– Ну, выкладывай. Вряд ли я что-то куплю, но хоть время скоротаем, пока трактирщик пропадает в подвале. Не иначе, у него там тайный ход, и он отправился за «Чёрным лесом» прямо в Гирланд.

Агдаз показал несколько побрякушек, но наёмнику оказались не интересны ни гоблинское кольцо, вырезанное из кости, ни коралловый амулет на удачное плавание, ни остальные забавные мелочи.

– А что скажешь на это? – гном с нескрываемой гордостью положил на стойку чёрный блестящий браслет. – Работа тёмных эльфов. Настоящий обсидиан! Подземное стекло!

– Тёмных? – Таринор с опаской поглядел на украшение. – Я бы такое с собой носить поостерёгся.

– Вещица редкая, дорогая, – с улыбкой ответил гном, но в его голосе слышалось что-то неуверенное.

Браслет напоминал кольцо, только не для пальца, а для запястья. Причём, судя по ширине, женского. Снаружи полированную поверхность покрывал узор, тончайшая серебряная паутинка. Наёмник осторожно взял браслет, покрутил в руках и решительно вернул гному.

– Нет, мне такое ни к чему, – решительно сказал Таринор. – Он мне даже на руку не налезет.

– Подаришь какой-нибудь даме, – подмигнул гном.

– Дамы, с которыми я обычно вожу общение, предпочитают серебро и желателно в виде монет.

Опечаленный гном спрятал браслет обратно за пазуху и сказал со вздохом:

– В таком случае мне ничего не остаётся, кроме как вернуться за стол. Погонят, так поди на улице уже не так сыро. Прилягу на травке.

Он слез с табуретки, едва её не опрокинув, и понуро направился обратно в сторону камина.

– Ладно, чёрт с тобой, – окликнул его наёмник. – Иди сюда. В такую сырость хозяин и собаку на улицу не выгонит. Давай куплю у тебя ту монетку на удачу.

Вернувшись, обрадованный гном запустил руку за пазуху и положил на стойку квадратный кусочек металла с дыркой посередине.

– Можно даже верёвку продеть и на шею, как амулет! – поспешно добавил он.

– Верёвку на шею надеть я всегда успею. А вот удача – первостепенная для наёмника штука. Вот, держи, – Таринор вложил серебряный марен в пухлую ладонь гнома, – на комнату хватит. И постарайся не спустить его на выпивку.

– Куда уж там... – отмахнулся Агдаз. – Со здешними ценами мне и пустую кружку понюхать не дадут. А ты славный малый, душевный! Слушай, раз такое дело, вот, держи, – гном откуда-то достал колоду карт, перевязанную тесьмой. – Ко мне они попали случайно, а я, знаешь, совсем не азартный, а тебе – ну, мало ли, время скоротать. Хочешь – прямо сейчас сыграем. Правда, из меня тот ещё игрок. Я больше по костям...

– Ты лучше отдыхать иди, а то глядя на тебя самого в сон клонит.

– Ладно уж! Спасибо тебе, выручил! Будешь в Могримбаре, спроси Агдаза Кригга, угощу славной медовухой! А карты всё же забери. Уж не знаю, кто их делал, но постарались на славу. Король пик – вылитый Альберт Эркенвальд, не отличить. Дама – королева Мерайя, червовый король – Однорукий, королева червей – его жена, а валет...

В этот момент вернулся хозяин трактира с глиняным кувшином в руке.

– Вот, пожалуйста. Полкувшина, как и просили, – вдруг трактирщик посмотрел на гнома и нахмурился. – Неужто у господина гнома снова в горле пересохло?

– Нет уж, я спать пойду. А ты, Таринор, бывай. Счастливого пути!

Агдаз похлопал наёмника по плечу, с видимым удовольствием положил на стойку монету и направился к лестнице. Пока грузный гном поднимался, трактирщик забрал деньги и поставил кувшин рядом с колодой карт.

– А это ещё что такое? Не ваше ли?

– Моё, – наёмник поспешно спрятал карты в сумку и добавил: – Подарили.

– Не считите за грубость, господин, да только не стоило бы вам эти карты каждому встречному показывать. Уж не знаю, что за умник повадился их в виде королей и лордов делать. Люди как играть засядут, так обязательно потасовка будет. Выясняется, что одни воевали за чёрных, другие за красных, а дальше – дело известное...

Таринор понимал, о чём говорит трактирщик. Имперцы выступали под знаменем Эркенвальдов – золотым орлом на чёрном фоне, герб Одеринга же изображал золотого грифона на красном.

– Вижу, вас тоже война стороной не обошла, – осторожно заметил трактирщик.

– Неужто на лице написано? – мрачно ответил Таринор. – И обращайся ко мне на «ты», я не рыцарь и не лорд. Мы с тобой оба люди простые, ни к чему нам это «выканье». И я уж точно не из тех болванов, что устроили бы погром из-за цвета тряпки, которую носил семь лет назад. Для меня уже нет ни чёрных, ни красных. Ни орлов, ни грифонов. Всё это в прошлом. Да, я воевал за Одеринга, но не делаю из этого ни тайны, ни повода для гордости.

Трактирщик пригладил усы и вдруг погрузился. Он отвернулся будто бы за бокалом, но не торопился поворачиваться обратно.

– У меня брат в войну полёг. Где-то на востоке битва большая была, там он голову и сложил. Я даже не знаю, где его схоронили.

– Понимаю, – сочувственно отозвался Таринор. – Тебя самого-то как звать?

– Уилл...

Трактирщик потянулся к полке за бокалом, но вдруг окно распахнулось от ветра, и он бросился запирать ставни.

– Поганая нынче весна, холодная, – проворчал он, возвращаясь. – Дожди, грязища. Да и Однорукий снова налоги поднял...

– Уилл? А полностью? Уильям?

– Ну, вообще... Вильгельм, – с неохотой ответил трактирщик, опасливо взглянув на наёмника. – Да, ригенское имя. А брата моего Вольфгангом звали. И воевал он за Риген. Как

его вспомню, так... – в его глазах застыли слёзы. – Ай ладно, чего прошлое ворошить.

Трактирщик отвёл взгляд и взял кувшин. Пока кружка наполнялась тёмно-красной жидкостью, Таринор бросил на стойку два серебряных марена.

– Жаль твоего брата, Уилл. Я не горжусь тем, что делал, и никогда не считал подвигом всю ту грязь, что люди творят на войне. По мне так настоящий подвиг – это остаться на войне человеком. Такое не каждому удаётся.

– Похоже, тебе удалось, раз так говоришь, – печально улыбнулся трактирщик.

– Хотелось бы в это верить, – ответил Таринор и отхлебнул вина. «Чёрный лес» оказался хорошим, неразбавленным.

– А знаешь, – грустно заговорил трактирщик, отодвигая монеты к краю стойки, – Оставь-ка ты деньги себе. Выпей за моего брата. Выпей за всех несчастных, кого забрала война.

Когда кувшин опустел, а похлёбка закончилась, Таринор поблагодарил хозяина и направился к выходу, но тот окликнул его у самой двери.

– Слушай, раз уж ты наёмник, то наверняка от работы не откажешься.

– А у тебя есть, что предложить? Место славное, я бы не прочь здесь задержаться. Хотя бы вышибалой, за порядком следить.

– Нет, вышибала у меня уже есть, он здесь неподалёку, матушку навещает, но дальше по тракту на восток есть деревня углежогов Вороний холм. Слышал, им досаждают гоблины, особенно по весне. Говорят, однажды эта сволочь ушастая у них бочку дёгтя посреди ночи утащила. Вот на кой гоблинам дёготь... Словом, тебе там наверняка найдётся, чем заняться.

Таринор поблагодарил трактирщика и вышел за дверь, едва не ударившись головой о деревянную вывеску с намалёванным белой краской дубом.

Хоть наёмник и не любил сырость, но не мог не признать, что шагать по тракту после дождя всегда приятно. Свежо, прохладно, главное – не угодить в лужу, благо их было не так уж много. Чем дальше он уходил от трактира, тем ярче становились воспоминания. Разговор с трактирщиком надавил на давно зажившую рану, отчего та снова начала болеть. И эта глухая боль снова не давала покоя.

Самое начало войны Таринор застал в составе наёмничьего отряда «Чёрные вдоводелы». То было сборище пары дюжин беспринципных ублюдков, которые, пользуясь неразберихой военного времени, грабили крестьянские посёлки и рыбацьи деревушки в Южном крае. По сути, они были настоящими разбойниками, а после очередной перепалки по поводу дележа добычи, Таринор убедился в этом окончательно. Лидер отряда, Одноглазый Виллем отдал своим молодчикам приказ связать молодого наглеца и выдать людям местного лорда за пойманного дезертира.

И болтаться бы Таринору на виселице, если бы он, решив, что терять ему уже нечего, не поведал о бесчинствах, что творили «Вдоводелы». Конечно, пришлось несколько сгустить краски, но задуманное удалось и вскоре схватили уже весь отряд. Самому же ему предложили выбор: или присоединиться к своим недавним соратникам, или искупить вину верным служением своей стране.

Разумеется, он выбрал второе, с немалым удовольствием наблюдая, как Виллем качается в петле. «Служение стране» почему-то оказалось присоединением к мятежному войску, но Таринору выбирать не приходилось, а потому его определили в «крысиную роту» вместе с преступниками, перебежчиками и прочими, кому боги даровали второй шанс. Надолго задерживаться в такой компании наёмник не собирался, и в одном из сражений ему улыбнулась удача.

Он оказался рядом с предводителем мятежников Эдвальдом Одерингом, новоиспечённым лордом Одерхолда, который совсем недавно стал главой дома после смерти брата. Эдвальду покалечили руку, Таринор же сделал так, чтобы следующий удар не угодил тому в голову. Так он спас будущему королю жизнь и, хоть руку впоследствии всё равно пришлось ампутировать, тот был благодарен и сделал молодого наёмника своим телохранителем. Со временем отношения между ними стали приятельскими, и на очередном привале Эдвальд рассказал о причинах войны.

«Нынешний король, – говорил он, – оказал «высочайшую милость» – пожелал руки моей сестры. В юности она была влюблена в Венианора Русворта, моего шурина, давнего друга и сына островного лорда, но, увы, королю в таком отказывать не принято. Мерайе пришлось стать королевой. Трижды моя сестра приносила королю мёртвых детей раньше срока, трижды облачалась в чёрное и скорбела по ним, но всё же хранила супружескую верность. Когда боги в очередной раз даровали Мерайе дитя, короля захватила мысль, что она носит под сердцем ребёнка Русворта. Венианор порой приезжал в наши края, и мы навещали Мерайю в Чёрном замке или уезжали с ней в Одерхолд. Во время наших визитов король жутко ревновал её и пил сильнее обычного, порой напивался в собственных покоях вусмерть.

Мерайя носила дитя вот уже восемь месяцев, куда дольше, чем в прошлые года. Лекари и книжники сходились во мнении, что она должна принести мальчика. По их словам, это должно было случиться в середине весны, так что Мерайю со дня на день готовились

перевести в повивальные покои, где ей предстояло провести последние недели перед родами. На этот раз король, уверенный в появлении долгожданного наследника, даже назначил турнир и созвал всех на него всех лордов Энгаты, но боги распорядились иначе.

Ещё осенью я впервые осторожно намекнул Альберту, что Мерайе лучше было бы выносить и родить в Одерхолде. Она писала мне, что опасалась тяжёлых родов, просила короля отпустить её в родовой замок, но тот не желал её слушать. Моя мать рожала меня три дня, но мы с ней оба остались живы, поэтому я был готов доверить жизнь сестры нашим повитухам, как никому другому.

Чем ближе подходил срок, тем настойчивее я предлагал это королю, но он всякий раз был непреклонен. Ревность затуманивала его разум, он хотел видеть ребёнка сразу после родов, но не соглашался ни отправить жену, ни ехать вместе с ней. Я слышал от него множество отговорок. И о том, что дорога станет Мерайе в тягость, и что от холодов она потеряет дитя... Бред воспалённого ревностью разума.

И вот, ранней весной, едва сошёл снег, роковое известие застало меня врасплох. Роды Мерайи начались раньше времени и оказались слишком тяжёлыми, их пришлось принимать прямо в её покоях. Тогда бестолковые повитухи Чёрного замка и предложили королю страшный выбор: спасти жену или иссечь ей чрево, чтобы сохранить дитя. Безумец выбрал второе, но мальчик не прожил и дня. По словам врачей, дитя родилось слишком слабым, потому что появилось на свет раньше положенного срока, но я уверен, король сам убил ребёнка в порыве ревности. В волосах мальчика ему почудился тот самый рыжий цвет, что и у Венианора Русворта. Потом по стране пошли сплетни, будто бы Альберт Эркинвальд забил или задушил не то жену, не то ребёнка собственной короной. Глупый слух, но я не стал его опровергать. Чем большим чудовищем считают короля, тем лучше.

Если бы король послушал меня, Мерайя была бы жива, а возможно в живых остался бы и ребёнок... Чёрт возьми, моего деда поднял на клыки дикий кабан, так лекари Одерхолда поставили его на ноги за пару недель! Но нет, Альберт Эркинвальд был непреклонен, тем самым обрекая на смерть и мою сестру, и её дитя.

Я немедленно отправился в Чёрный замок. До сих пор помню этот день. Он оправдывался, говорил, что всегда любил её, что желал ей только лучшего. Тогда я сказал себе: такой отвратительный лживый безумец не заслуживает того, чтобы быть королём, и отправился в Одерхолд собирать войска. Моя сестра мертва по его вине, а он продолжает жить как ни в чем не бывало! Клянусь жизнью, Таринор, он ответит за всё!» – говорил Эдвальд, трясясь от злости.

Через полтора года, спустя месяц осады Энгатара, когда в столице королевства начался голод и стало очевидно, что Империи его не удержать и не победить в этой войне, король предложил переговоры. Тогда Таринор впервые увидел Альберта Эркинвальда вживую, и тот совсем не был похож на чудовище, о котором говорил Эдвальд. Ему было немногим больше пятидесяти, но он оказался худым, измождённым и почти полностью седым. Когда король заговорил о Мерайе, на его глаза навернулись слёзы, а взгляд наполнялся таким бесконечным отчаяньем, что наёмнику стало по-настоящему жаль его.

Неделю спустя городские ворота отворила городская стража, а врата замка открыл лично командующий гвардией Вельмор Скайн. То, что произошло дальше, крепко врезалось в память Таринора. И не проходило ни дня, когда бы он не сожалел о случившемся. Мать лорда Одеринга, леди Реллу, имперцы действительно оставили в живых. Племяннику же повезло меньше. Как именно его казнили, Таринор не знал, но в народе ходили страшные слухи.

Теперь же, семь лет спустя, наёмник шагал по дороге на восток, надеясь, как и прежде, что ему подвернётся жирный куш. Воздух пах влажной землёй и прелой листвой, оттаявшей из-под недавно сошедших сугробов. Весна в Энгате всегда была временем противоречивым. Земля освобождалась от снежного покрывала, дни становились длиннее и теплее, а жизнь королевства, будто бы уходившая в зимнюю спячку, пробуждалась ото сна и закипала с новой силой.

Однако пробуждалась не только природа. Леса и рощи наводняли разбойничьи шайки, чьи осенние запасы подходили к концу и вынуждали их вновь выходить на большую дорогу, подстерегать одиноких путников и торговые обозы, что пожалели денег на достойную охрану. К тому же, будто бы разбойников было мало, крохотные деревушки и фермерские поселения становились лакомым кусочком для оголодавших за зиму гоблинов, которые покидали свои подземные убежища в надежде утащить козу или разграбить амбар.

Благодаря всему этому Таринор почти никогда не оставался без работы. Порой он нанимался на службу к рыцарям или лордам, но никогда не задерживался у них надолго, чтобы не оказаться между молотом и наковальней, будучи втянутым в дразги благородных господ.

Порой наёмников, скорчив презрительную мину, презрительно называли «продажными мечами», говорили, что их стезя окрашена серым, цветом пыли и стали. Однако Таринора такая жизнь вполне устраивала, хоть он бы с удовольствием добавил к этим атрибутам ещё и серебро. Потому как, хоть дорожная пыль и звон стального клинка в самом деле повсюду сопровождали наёмного воина, однако жирный куш мог неожиданно свалиться даже на него.

Так и случилось прошлой осенью, когда Таринор попал на службу к одному небедному рыцарю, сиру Родрику Освинду. К несчастью, тот был большим любителем выпить. А спьяну он порой похвалялся, будто ему случалось посещать опочивальню самой Кайленны Бруквелл, молодой супруги старого лорда Нормана Бруквелла из замка Весенний родник. И будто бы всё богатство молодого рыцаря происходит от того, что он чертовски хорош в любовных делах. Кого-то из его недоброжелателей, быть может, даже самого лорда Бруквелла, эти слухи особенно задели, и хоть наёмничий меч надёжно прикрывал рыцарю спину, от яда, незаметно подмешанного в кубок с вином, уберечь он никак не мог.

Таринор же поспешил убраться, чтобы не быть втянутым в очередную тёмную историю, и направился на запад, в портовый город Гирланд, жемчужину Золотого берега. Там он устроился охранником в «красный дом», как повсюду в Энгате было принято называть бордели, где провёл весьма сытую зиму. Теперь же, по весне, он отправился на восток по известному и исхоженному не один раз Золотому тракту. Здесь-то вчерашним вечером Таринор и застал злосчастный дождь, спасением от которого стал этот кстати подвернувшийся трактир.

Так, погружённый в воспоминания и размышления, Таринор брёл, пока солнце не начало припекать. Он развязал куртку, достал фляжку промочить горло, но в рот упало лишь несколько капель. «Эх, надо было в трактире воды набрать. Обрато идти уже далековато, но здесь должен быть какой-нибудь ручей», – подумал он, глядя по сторонам.

По правую руку от него лежали холмы, успевшие покрыться густым разнотравьем, слева же темнела Северная пуша, что тянется на запад почти до самого моря. Ближайшая речная переправа на западном тракте, как помнилось наёмнику, будет ещё ой как нескоро. Быть может, стоит лучше смотреть по сторонам? Вдруг обнаружится какой-нибудь незамеченный ранее ручей или озерцо, что питают тающие горные снега.

Милю спустя Таринор заметил вытоптанную тропинку, ведущую в лес. «Просто так от тракта тропинка в лес не отходит», – решил он и не прогадал: через десяток шагов отчётливо послышалось журчание воды. Эти звуки ещё сильнее пробуждали жажду, заставив ускорить шаг. Наконец, тропинка пошла со склона, и впереди показался ручей, поросший густыми зарослями ежевики по берегам. Вода умиротворяюще журчала между камней и даже на вид была так чиста и прохладна, что Таринор первым делом решил сначала вдоволь напиться, а только потом наполнить фляжку. Он положил сумку с привязанными к ней ножнами рядом и встал на четвереньки, чтобы зачерпнуть освежающе-холодной водицы. Чистой, ещё позимнему свежей.

Едва наёмник успел подумать, что звук бегущей воды – должно быть, самый успокаивающий душу звук на свете, как вдруг из-за спины донёсся шелест и треск. Таринор потянулся было к мечу, но внезапно получил удар в живот. Дыхание тут же перехватило, а по телу разлилась тупая боль. Ещё один пинок в бок, от которого на мгновение потемнело в глазах, и наёмник вновь оказался на ногах, только на этот раз не по своей воле.

Секунду спустя он обнаружил, что его крепко держат двое дюжих оборванцев, и что с заломленными за спину руками у него нет ни единого шанса добраться до меча. Послышался смех и присвистывание. Из-за ближайших деревьев вышел ещё один с перекошенным носом, за ним лысый в накидке из беличьих шкурок и двое с чёрными кучерявыми бородами и дубьём в руках. Следом появились ещё двое: один тощий в монашеской одежде, а другой, напротив, широкоплечий громила с круглым щитом без герба, привязанным к брюху. Разбойничья засада удалась.

– Говорил же, какой-нибудь дурень клюнет, – весело сказал один из тех, кто держал наёмнику руки.

– Ну, Уолт, если б твоя затея не сработала после того, как ты все уши нам прожужжал, я бы сломал тебе нос, – ответил один из бородатых. – Но теперь я даже готов звать тебя «Уолт Голова»!

– Заткнись, Тим, – огрызнулся лысый, подходя ближе. – Я в последний раз слушаю болвана Уолта. Если бы не он, мы бы устроили бы засаду на дороге и нашей добычей стал бы торговый обоз с жирными толстосумами, быть может даже без охраны, как тот сапожник. А так – нам попался не пойми кто. Ты ж не торгош? – обратился он к Таринору и тут же сам ответил на свой вопрос. – Конечно же нет. Не похоже, чтоб у тебя деньги водились. Хотя... Гляньте-ка, он с мечом да с поклажей. Выпотроши-ка его сумку, Тим, будь полезным в кои-то веки.

Тот, кого называли Тимом что-то пробурчал и принялся вытряхивать содержимое наёмничьей сумки.

– Нет там ничего полезного... – прохрипел Таринор, но удар под дых оборвал его на полуслове.

– Заткни пасть, не то зубы выбью! – рявкнул лысый. – Ну, чего там в закромах?

– Фляжка! – воскликнул Тим. – Серебро?

– Олово, – сдавленно ответил Таринор.

– На пуговицы пойдёт... Верёвки, сухари какие-то, а это что? Будто бы мясом пахнет. Ну-ка... Тьфу! Сапожную подошву прожевать легче, чем эту дрянь... О, ножик! Заберёшь, Роб?

– Отдай братцу своему, мне мой дороже. Что-то ещё?

– Кремень с кресалом себе заберу. А это что ещё за барахло? – Тим поднял квадратную

монетку и обратился к Таринору: – Эй, ты, это что такое? Амулет?

– Ага, – отозвался тот, с трудом совладав с дыханием, – я могущественный колдун и наложу на вас всех порчу.

– Смотри в штаны не наложи, сказочник, – один из державших Таринора вывернул ему руку ещё сильнее. – Будь ты колдуном, не попался бы на такую глупую удочку, что предложил Уолт. Вытоптать тропинку к ручью и в кустах сныкаться, ха! И ведь сработало, кто бы мог подумать!

– Ну так что это за штуковина? – не унимался бородатый.

– Монетка на удачу, из дальних стран, – стиснув зубы ответил Таринор.

– Не помогла тебе она, – вздохнул лысый, неумело изобразив сочувствие.

– Может, я вам денег дам, а вы меня отпустите?

– И много ли у такого, как ты денег?

– Завалилась пара монет. Там, в кармане сумки.

Тим, пытавшийся выудить из опустевшей сумки ещё хоть что-нибудь, пошарил рукой во внутреннем кармане и обнаружил перевязанные тесьмой карты да несколько монет.

– О, картишки! – расплылся он в глупой улыбке. – Вот это удружил! Будет, чем заняться. Что тут у нас? Пять маренов? Не густо.

– Что ли отпустить тебя за пять серебряных монет? – задумчиво проговорил лысый, почесав подбородок, и тут же сам себе ответил: – Не-а, не пойдёт. Хоть меня и зовут Добрый Роб, но даже моей доброте есть предел. Обычно я беру выкуп и отпускаю с миром. Иначе кого нашему брату грабить, если всех перебьют? Но, чую, ты наверняка разболтаешь, что мы на тракте засели, не иначе. Стало быть, придётся от тебя избавиться. Но сначала взгляну на твою железку...

Таринор, собрав оставшиеся силы, попытался было вырваться, но получил пинок в ногу и упал на колени. Лысый разбойник вытащил меч из ножен, провёл грязным пальцем по клинку и присвистнул.

– Ишь какой! А ты никак рыцарь? Нет, на рыцаря ты не тянешь. А может, наёмник? Или вообще меч стащил у кого? Ну да это уже не важно. Я, знаешь ли, жутко не люблю краж. Это как-то несправедливо, – Роб обернулся, и остальные встретили эти слова смехом. – Но вот если я тебя сначала убью, а потом заберу меч, то это уже будет не гнусное воровство, а благородный разбой. Сам посуди – сколько историй о благородных разбойниках, а сколько воспевают воров? То-то же. Или всё же отдать тебя Кистеню? По глазам вижу, ему не терпится сделать из тебя отбивную. Он на прошлой неделе одного бедолагу голыми руками так отделал, места живого не осталось.

Услыхав это, громила с пластиной на животе отрывисто захихикал и похрустел кулаками.

– Роб, заканчивай с ним уже, – прогнусавил тот, чей нос был сворочен набок. – Ещё лагерь ставить, костёр разводить, да и пожрать не мешало б чего изловить. От этой тухлой капусты меня уже воротит.

На эти слова разбойники понимающе закивали.

– Придумал! – оживился лысый. – Раз у тебя очень кстати нашлась верёвка, мы тебя на ней и вздёрнем! Заодно и поглядим, как дрыгаться будешь.

Под одобрительные возгласы разбойники умело связали петлю и перекинули верёвку через толстый сук дерева. Таринор отчаянно вырывался, сбивая сапогами дёрн с узловатых корней, пока его тащили к этой наспех сооружённой виселице, и даже успел сильно пнуть

одного из негодяев. Но тот лишь ухмыльнулся, обнажив щербатые зубы.

– Погоди, ублюдок, успеешь ещё поплясать, – усмехнулся он и принялся надевать петлю.

– Эй, Щепка! Ты ж из монашеской братии? Заводи молитву, чтоб всё по закону было! Мы ж не сволочи безбожные.

– И то верно! Пред ликом богов и людей, Троиц и многих...

Вскоре шею наёмника крепко стянула верёвка, и громила Кистень потянул на себя другой её конец. Под разбойничий хохот в глазах Таринора начало темнеть. Он пытался уцепиться ногами за ствол, но тот был слишком далеко; попытался схватиться за верёвку, но и это никак не помогло: она была чересчур тонкой. Когда ноги наёмника совсем оторвались от земли, сознание его помутилось, а звуки стали тонуть в оглушительном звоне. «Неужели, конец? – пронеслось в его голове, когда зрение почти совсем затуманилось. – Наверное, на службе у Эдвальда, всё было бы по-другому...»

– Чур сапоги его я забе... – начал было тот, что читал молитву, но фраза вдруг прервалась сдавленным стоном.

Кистень от удивления отпустил верёвку, и наёмник повалился на землю, жадно лоя воздух ртом. Разбойники затихли и, обернувшись, увидели лежащего на траве худощавого Щепку в монашеской накидке со стрелой точно между лопаток.

– Что за дьявол?! – гнусавым голосом вскричал кривоносый.

Короткий свистящий звук, и он рухнул с растерянным выражением лица и стрелой, торчащей из затылка. Роб развернулся, выставив перед собой меч наёмника. Выхватив ножи, негодяи попятнулись к деревьям.

– Я же говорил, Роб! Я же говорил! – залепетал кто-то.

– Заткнись! – огрызнулся лысый.

Услышав шелест за кустами ежевики, он резко обернулся в ту сторону. Меч в его руке дрожал.

– Туда! Вы двое – проверьте кусты!

– Да нет там никого, мы ж сами только что там...

– Я сказал проверьте, мать вашу!

Те, кто ещё недавно смеялись, заламывая наёмнику руки, теперь неуверенно засеменяли к зарослям. Подойдя чуть ближе, один из них тут же получил сразу две стрелы в живот.

– Их всего двое! – взвизгнул Роб. – Вспорите ублюдкам брюхо!

Сразу же после его слов через куст ловко, словно кошка, перемахнул незнакомец с длинными рыжими волосами. Мгновение спустя из-за его спины появился и второй, темноволосый. А ещё через несколько секунд тот, кого звали Уолт, выл и корчился на земле, истекая кровью. Для Таринора не было секретом, что в Северной пуще живут эльфы, но он никак не ожидал встретить их так близко от тракта.

Когда ещё один разбойник упал замертво, здоровяк с щитом на пузе вооружился кистенём и принялся размахивать перед собой, что есть мочи. Смертоносное оружие рассекало воздух, не давая эльфам подойти ближе, а двое оставшихся негодяев принялись осторожно обходить эльфов сбоку.

Вдруг один из разбойников сделал выпад в их сторону, но остроухий успел встретить его, и острое лезвие перерезало бедняге шею. В этот самый момент эльфа поразил кистень, отчего тот вскрикнул и упал, держась за руку. Тем временем его спутник расправился со вторым разбойником и сумел проскользнуть по влажной траве между ног здоровяка с кистенём. Молниеносным движением эльф вспорол громиле промежность и вонзил меч ему

в бок. Разбойник взревел, но перед тем, как упасть, отшвырнул противника в сторону, ударив о толстый ствол векового дуба, отчего тот выпустил оружие из рук.

К отброшенному тут же подскочил лысый Роб. Он неумело замахнулся, метя в безоружного эльфа, явно желая опробовать наёмничий клинок в деле. Таринор, успевший уже подняться на ноги, подобрал чью-то дубину, в мгновение ока оказался возле Роба и что было сил ударил того прямо в ухо. Разбойник без единого звука повалился на землю.

На лице эльфа читалось изумление. Он даже не сразу подал Таринору руку, когда тот хотел помочь ему встать. Землю вокруг устлала тела мёртвых и израненных людей. Слегка пошатываясь, темноволосый эльф достал откуда-то изящный нож, взял Роба за волосы и молниеносным отработанным движением перерезал ему горло. Ни один мускул на лице эльфа не дрогнул, а когда он поднял взгляд на Таринора, тому стало не по себе. Наёмник обернулся на сдавленные захлёбывающиеся стоны и увидел, что второй эльф проделывает то же самое с остальными разбойниками. Очень скоро у ручья осталось всего трое живых – двое остроухих и неудавшийся висельник.

Темноволосый эльф огляделся в поиске меча. Причудливое оружие лежало неподалёку и Таринор успел разглядеть его внимательнее. Удивительно, но клинок будто был выточен из дерева, а гарда представляла собой плотно переплетённые ветви. Предназначенные для него ножны на поясе остроухого выглядели свитыми из виноградной или хмельной лозы, как и та, что сеткой покрывала его грудь и живот поверх одежды. Эльф подобрал меч и взглянул на Таринора.

– Эй, я не с ними, просто спустился к ручью, меня и сцапали, – поспешил объяснить наёмник. – Вы ведь меня понимаете? Говорите по-людски?

– Я понимаю, – ответил темноволосый эльф и спрятал меч в ножны.

В его речи слышался сильный акцент: говорить на энгатском ему явно приходилось нечасто.

– Мы следили за ними. Видели, как тебя схватили.

– Что ж тогда раньше не вмешались? Мне едва не сломали шею! – воскликнул наёмник, но тут же добавил: – В любом случае, жизнь вы мне спасли.

– Мы не собирались этого делать. Нам нужно было выждать момент, когда они все отвлекутся на тебя. Не могли напасть раньше.

– Уж и на том спасибо, – с укоризной проговорил Таринор.

– Ты тоже спас меня от гибели, хотя мог этого не делать. Благодарю тебя.

Рыжеволосый эльф сказал что-то с усмешкой. Наёмнику нечасто доводилось слышать эльфийскую речь, но она всякий раз напоминала ему свист ветра или шелест листвы. Услышав эти слова, первый улыбнулся и спросил: – Как твоё имя?

– Таринор. Я... путешественник.

– Меня зовут Нолдир. А это, – он указал на спутника, – Эрантил. Мы выслеживали их несколько дней. Злые, гадкие люди. Несли гибель животным, губили деревья, оскверняли ручьи. Лес стонал, молил о помощи, и мы слышали его зов.

– Так почему бы не позвать побольше своих? – недоумённо спросил наёмник. – Перерезали б их без труда.

– Только мы были так близко, чтобы слышать. Не было времени идти за помощью. Но Иллания не оставила нас и свела с тобой. Теперь нам пора возвращаться в лес.

– В лес? – переспросил Таринор. – Разве мы сейчас не в лесу?

– Нет. Это всего лишь... – эльф запнулся, пытаясь подобрать нужное слово, – Лесной

порог. Там, куда мы идём, люди не заходят. А те, что заходят, обратно не возвращаются. Быть может, Великая мать ещё сведёт наши судьбы вместе. Да прибудет с тобой её благословение.

Эльфы вернулись к кустам, забрали оставленные там луки и скрылись среди деревьев, словно призраки. Наёмник же, оставшись наедине с мёртвыми разбойниками, для начала с удовольствием пнул лежащее рядом тело Роба. На побледневшем лице читались растерянность и удивление.

– Да, я сам до сих пор не могу поверить, что так вышло, – проговорил вслух Таринор, будто бы тот, кто ещё недавно желал ему смерти, мог услышать эти слова. На свою накидку из шкурок лысый извёл никак не меньше пары дюжин зверьков.

– Даже шкуру с белки толком снять не смогли, бестолочи, – усмехнулся Таринор. – Умели бы, глядишь, и меньше белок бы ушло, и эльфы на вас внимание не обратили. Ну, зато теперь мне будет, чем поживиться.

Первым делом наёмник вернул себе меч и принялся собирать собственные вещи, что Тим так неаккуратно вывалил из сумки. «Вяленое мясо ему не нравится... Что бы понимал, привереда!» Он подобрал квадратную монетку и подумал: «А ведь мне и впрямь крупно повезло. И ведь петлю сделали что надо – развязать уже никак, только резать. Такую верёвку извели, болваны!» Вскоре к Таринору вернулись остальные его пожитки, и он принялся обшаривать тела.

– Шайка Доброго Роба, значит? Ну, сапоги у вас и впрямь добрые, новёхонькие, – присвистнул наёмник. – Ограбили сапожника, значит? Пусть его жертва станет не напрасной.

Таринор стал примерять свою ногу к разбойничьим и, найдя, наконец, обувку по размеру, стянул её и отёр от крови. Кого-то подобное мародёрство могло бы оттолкнуть, но наёмник не видел в этом ничего дурного. В конце концов, кто-то из них и сам хотел разуть его бездыханное тело. Должно быть, вот этот в драных сапогах, кому не досталось обновки при дележе.

Он пошарил по сумкам и кошельам разбойников и отыскал несколько серебряных монет. Пригляделся к одной из них и заметил, что вместо грифона на ней изображён орёл. Да и монарший профиль, который должен изображать короля Эдвальда Одеринг, принадлежал вовсе не ему.

– Давнишня. Интересно, сколько они ещё будут в ходу, прежде чем грифоны повсюду заменят орлов? – пробормотал Таринор, глядя на изображение Альберта Эркенвальда. У бывшего короля уже был стёрт нос, он всегда стирался первым. Монетка немало повидала и, должно быть, прошёл не один десяток лет с тех пор, как она покинула королевский монетный двор в столичном Энгатаре. Таринор пересчитал деньги. Одиннадцать маренов.

– Почти целый огген! – довольно заключил он. – Жить можно.

Наёмник уже давно не видел монет достоинством в один огген, которые народ ещё называл «большими» или «полновесными» маренами. Они были куда больше и тяжелее простых серебряных монеток, а портрет короля на них окружали маленькие короны.

Монеты же из самого драгоценного металла, звавшиеся золотыми маренами, Таринор видел лишь однажды. Когда-то давно, ещё в войну, Эдвальд наглядно продемонстрировал разницу между лордом и простолюдином. Он вложил наёмнику в ладонь золотую монетку, а в другую руку дал мешочек с серебрянными оггенами. Круглый кусочек золота в сравнении с ним казался совсем невесомым, хотя ценность они имели одинаковую. «Эти монеты, – сказал Одеринг, – равны по весу и размеру, но всё же один золотой марен стоит двадцати

полновесных огненов, как король стоит десятков своих лордов-вассалов. Мелких серебряных маренов в одном золотом наберётся почти две с половиной сотни, они сродни рыцарям, а крестьяне так и вовсе как бесщётные зёрна во всех тех мешках пшеницы, что можно купить на один единственный золотой. Так же короли, лорды, рыцари и простолюдины. Все они люди, но люди разного достоинства».

Таринору этот пример тогда показался странным, и даже немного обидным. Вот только золотых монет после того случая ему больше видеть не доводилось: платили ему всегда серебром, обыкновенными маренами. Но, пока на эти маленькие потёртые монетки можно было купить еды, оплатить комнату в трактире, починить меч и прохудившиеся сапоги, жаловаться не приходилось.

У здоровяка Кистеня, неподвижно лежавшего с глупым выражением лица, обнаружилась деревянная фляжка с плоским дном, украшенная орнаментом в виде виноградной лозы. Сам дуболом бы такое не сделал, наверняка у кого-то отнял. Внутри что-то булькало. Таринор вынул пробку, приблизил горлышко к носу и тут же отдёнулся от резкого запаха спиртного. Чёрт знает, что за пойло налил туда Кистень, но пить это вчистую не возникало ни малейшего желания.

Таринор бросил трофеи в сумку и уже собрался уходить, но хлопнул себя по лбу: едва не забыл набрать воды. Он спустился к ручью и, наконец, наполнил свою потёртую оловянную фляжку, заодно промолив горло. Глотать было больно, да и шею жгло огнём. Провёл по ней ладонью – кровь. Наверняка останется след. Ещё, чего доброго, за беглого висельника примут. Надо бы прикрыть чем-нибудь или хотя бы воротник поднять повыше.

С этими мыслями он вернулся на дорогу и продолжил путь, размышляя о том, как всё-таки выгодно, хоть и рискованно, порой бывает сойти с проторённой тропы.

Весь оставшийся день Таринор неспешно брёл. Ближе к вечеру ему встретился торговый обоз с гербом дома Майвенов на телеге – алой розой в окружении зелёных шипов. Сопровождали обоз двое рыцарей в белых накидках с изображением зелёного глаза поверх доспехов. Люди Рикеров, майвеновских вассалов.

Говорят, когда-то давно на месте их замка стояло эльфийское поселение Эарисхен. Устав от постоянных кровавых набегов, Майвены послали туда рыцаря Эдмунда Рикера с войском. Он разграбил поселение, вырезал тысячу эльфов за одну ночь и потерял в бою глаз, вместо которого вставил изумруд. За это тогдашний лорд Майвен даровал Рикеру и его потомкам титул лорда, позволив выстроить на месте Эарисхена замок, который тот назвал Зелёным оком, и который эльфы, по слухам, теперь называют Gistarn, «Крепость костей».

Следом за рыцарями ехало ещё пятеро всадников в кольчугах. От них разило луком и прокисшим вином. Один из них, проезжая мимо, бросил недобрый взгляд на Таринора, хмыкнул и сплюнул почти ему под ноги. Наёмники, такие же, как и он сам, безродные продажные мечи, только устроились получше. Наверняка им не придётся обнажать оружие до самого Гирланда, куда наверняка этот обоз и держит путь. Добрый Таринор расчистил путь, не благодарите.

Солнце клонилось к закату, и стоило найти ночлег. Спал на земле наёмник только в крайнем случае, да и то летом, когда ночи становились достаточно тёплыми. В первой встреченной деревушке на него едва не спустили собак. Во второй, хуторе на пять домов, Таринору повезло больше: он нашёл приют в доме сердобольной вдовы. Засыпая, он вспомнил о разбойничьей засаде, но решил, что вряд ли на этом участке тракта будет больше одной шайки. Иначе они наверняка бы перерезали друг друга. Успокоив себя этими мыслями, он славно поспал, а с восходом продолжил путь.

Далеко на востоке солнце окрасило горизонт огнём, а из-за деревьев доносился щебет пробуждающихся лесных птиц. Таринор мерил шаги по золотому тракту, стараясь не сутулиться, чтобы после долгих переходов не болела спина. Обычно в пути он насвистывал или напевал себе под нос одну из множества песен, которые слышал на солдатских привалах в годы войны и хмельными вечерами в кабаках.

Порыв ветра растрепал тёмно-русые волосы. Они добрались до плеч и сотрясались при каждом шаге. Таринору вспомнились слова одной девушки из борделя в Гирланде, которая называла его медведем за цвет волос и отросшую густую бороду. Она говорила, что у него широкие скулы северянина и, если бы не карие глаза, его можно было бы принять за выходца из северных краёв. «Там, за лесом и морем, говорила она, мужи отважны, а женщины верны.» Тогда Таринор подумал, что неплохо бы попасть туда, куда длинные руки королей и лордов не дотягиваются. Сейчас эта мысль снова посетила его, заставив улыбнуться. С кончика носа упала капля пота. Наёмник сделал пару глотков из фляжки и облизнул сухие губы.

Несмотря на худощавость, сложен он был весьма крепко. Несмотря на сытую зиму в Гирланде, в его теле не было и намёка на полноту. Впрочем, откуда бы ей взяться? Полнота – признак спокойной, сытой жизни, а жизнь наёмника никак нельзя было назвать ни сытой, ни уж тем более спокойной.

Он нутром чуял, что скоро должен достигнуть той самой деревушки углежогов, стоящей

совсем недалеко от Золотого тракта. Каждый шаг вселял надежду в сердце наёмника и вместе с тем повергал в отчаяние от того, что проклятая деревня никак не появлялась. Оставалось лишь надеяться, что этой зимой её не спалили обезумевшие от голода гоблины или сумасшедшие эльфы в отместку за сжигание деревьев. Тракт уже проходил достаточно далеко от леса, чтобы он казался не более чем тёмно-зелёной полосой на севере. А ведь когда-то и здесь была такая же непроглядная чаща. Под каждым камнем Золотого тракта похоронен эльф – так говорили об этой дороге.

Наконец, Таринор почуял едкий запах дыма, а преодолев очередной холм, увидел селение в четверти мили от дороги. Когда он приблизился, оно оказалось окружено деревянным частоколом высотой в человеческий рост. Протоптанная от тракта тропинка вела к большим деревянным воротам, из которых торчали крюки с надетыми на них черепами. Маленькие, будто детские, но с мелкими глазницами, они без сомнения принадлежали гоблинам. Сделано это было, видимо, для устрашения, вот только деревенским невдомёк, что гоблины от этого только ещё больше звереют. Таринор дошел до ворот и сильно пнул их несколько раз. С той стороны послышался шум, после чего чей-то недовольный голос проворчал.

– Кто там ломится ни свет, ни заря? Назовись!

– Я Таринор, наёмник. Уилл, трактирщик в «Белом дубе», сказал, у вас работа найдётся. Могу помочь, если, заплатите.

Раздался звук снимаемого засова, и ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы наёмник мог пройти. Протиснувшись, Таринор увидел, кто его впустил. Небритый мужик, опиравшийся на ржавую алебарду, оглядел мутным взором наёмника и водрузил засов обратно. Стражник-ополченец явно спал, когда его сон так бесцеремонно прервал наёмник.

– Уж не знаю, что там тебе трактирщик наплёл. У нас своих ртов хватает. Охрану углежогам уже наняли, те два дня как на промысел ушли, но вот гоблины понемногу появляются. Видать, оттаиваются, стервецы. Можешь старосту спросить, он уж давненько смурной ходит. Вон там его дом, – стражник махнул рукой в сторону большого деревянного здания, которое было видно от самых ворот.

Наёмник с опаской двигался по пустым мрачным улицам меж покосившихся деревянных домов и дырявых заборов. Он ожидал увидеть полчища кружащих в небе воронов, но не увидел ни одного. С чего бы тогда называть деревню таким образом?

Дом старосты выглядел внушительно. В сравнении с остальными домишками – настоящая крепость. У двери на удивление не стояло никакой охраны так что Таринор без труда оказался в просторном зале, в котором балки-подпорки поднимались от обшарпанного дощатого пола прямо к стропилам крыши. Противоположный конец зала украшало окно, затянутое бычьим пузырём, а под ним за крепким деревянным столом дремал круглолицый лысый мужчина в красном сюртуке. От звука шагов он встрепенулся и уставился на наёмника, уже стоявшего у стола.

– Здравствуй, кто б ты ни был. Я старосту местного ищу, – сказал наёмник.

– Ну, я здесь староста. – протяжно зевнув, ответил лысый, – Бедобором звать. А ты кто такой будешь и какого лешего заявился сюда с мечом?

– Таринор, наёмник я, потому и с мечом. Любопытное же у тебя имя, Бедобор.

– Не имя это, прозвание, – слегка обиженно ответил староста. – Но все уж привыкли, и ты так зови. Зачем пожаловал?

– Слышал я, вам тут помощь наёмничья не помешает. Вот и пришёл, чтоб помочь. Если,

конечно, заплатить сможете.

– Только заявился, а уж сразу «платить»! – проворчал староста. – Углежогам охрану уже наняли...

– Это я уже слышал. Неужто больше работы наёмнику не найдётся?

– Скоро погань гоблинская из щелей ползет, люди с оружием лишними не будут. Ты поди с отрядом? Почём берёте?

– Отряда у меня нет, один работаю. Лишние рты мне ни к чему, а рук и своих хватает. А что до оплаты, смотря, о чём речь, – наёмник опёрся на сваю и почесал подбородок. – Гоблины по четыре монеты за рыло. Если нужно в карауле постоять или обоз сопроводить – шесть десятков за неделю. Зато оружие выдавать не надо, своё имеется.

– Сколько?! – глаза старосты расширились от удивления. – Шестьдесят маренов? У меня брат капитаном стражи служит в Зелёном оке, так он в месяц столько получает! Куда тебе такие деньги?

– Первым делом куплю еды, припасов в дорогу. Потом меч почию. Меч – он ведь как женщина. Не будешь уделять должного внимания, подведёт в самый неподходящий момент.

Таринор знал, о чём говорит. Своё нынешнее оружие он купил в Гирланде, но кузнец скинул цену так безропотно, что наёмник боялся, как бы клинок не разлетелся вдребезги от удара. Всё-таки о жителях побережья говорят, что им куда лучше удаётся делать деньги, чем оружие.

– Потом ещё нужны новые башмаки. А они нужны постоянно с моим-то образом жизни. Если после всего этого что и останется... – продолжал он, – Ты поди нигде не бываешь и цен не знаешь? Хорошо, если этого хотя б на пару недель хватит. Капитан стражи, небось, живёт в тёплом доме, а горячая похлёбка – частый гость на его столе? Я же таскаюсь по стране и живу, чем придётся. Да и зиму зимовать как-то надо. Но знаешь, чем я лучше стражников и лордских людей? Я не задаю вопросов. И присягой не связан. Так что выкладывай, что за беда такая.

– Эх, твоя правда, наёмник, – Бедобор почесал затылок и начал свой рассказ: – В общем, есть тут одно дельце. Пару месяцев назад, ещё снег не сошёл, в деревне маг появился. Назвался Мирениусом. Сказал, что из Вальморы, из Академии. Говорит, мол, ищу спокойное место, где мог бы провести остаток жизни. Только мне б занятие какое, говорит, не хочу быть нахлебником. Старый такой был маг, борода седая до колен, будто прямиком из детских сказок. Мы его у частогола поселили, там ещё с прошлой зимы домик стоял заброшенный, прежних хозяев лихорадка прибрала. Люди к нему попривыкли и стали за помощью обращаться: у кого хворь какая или рана – шли к нему. А он только и рад был помочь. Когда зельями поил, а когда и просто совет добрый давал. Иногда на весь день уходил в лес, травы нужные собирал, а когда и просто за ягодами. Одевался легко, и как только холодно ему не было. Бывало, помощников с собой брал, но чаще один ходил.

А однажды был случай: возвращается Мирениус из лесу, а у ворот часовые с гоблинами бьются. Каждую весну эта дрянь приходит, будто мёдом намазано. Тут то он и показал, что не только зелья варить умеет: прокричал что-то, руками взмахнул, и давай в уродцев этих огнём швыряться. Гоблины тут же наутёк, а некоторые сразу на месте сгорели, только кучки пепла да дубинки их кривые остались... Ну да ладно, перейду к делу. На прошлой неделе Мирениуса нашли мёртвым в собственном доме. А наши говорят, будто бы видали накануне вечером какого-то бродягу в лохмотьях. Однако караульные клянутся, будто никого похожего не впускали, даи не выпускали.

– Так вы хотите, чтобы я вычислил того, кто убил вашего мага? – спросил Таринор, размышляя, сколько можно взять за такое дело.

– Да нет же! – возмутился староста. – Мало ли, кому он дорогу перешёл? Мы в их маговские дела не лезем. Раз уж он мимо стражи через частокол перемахнул, то всех нас перебил бы уже, если б хотел. Нет, беда у нас другая. В доме Мирениуса после его смерти нечисть завелась. Уж не знаю, откуда и как, но нам такое соседство и даром не нужно. Позавчера отец Дормий попытался погань эту изгнать, но у него ничего не вышло. Видать, крепко они там засели.

– Они? – наёмник приподнял бровь и отшатнулся от балки. Ему показалось, что она накренилась, а виноватым в обрушении дома старосты ему быть не хотелось.

– Ну да... Нечисть всякая, – уклончиво ответил староста и обтёр безволосую голову платком.

– Послушай, Бедобор, я ведь наёмник, не экзорцист, – Таринор нахмурился и сделал пару шагов к столу, отчего староста неуютно заёрзал. – Вам бы за инквизитором послать.

– Чтобы он перевернул всю деревню вверх дном, выискивая, кто у нас тут якшается с нечистью? – выпалил тот. – Не хватало мне тут ещё допросов с пытками. Знаем мы эту инквизицию.

– Ладно, пусть будет нечисть, – вздохнул Таринор. – И сколько же Вороний холм готов заплатить за спокойную жизнь?

– Ну... – Староста почесал затылок. – Пускай будет три десятка маренов.

– Не густо, – задумчиво пробормотал наёмник.

Конечно, он не ожидал от подобного места золотых гор, но три десятка серебром за такое дело... И ведь сравнить не с чем! Тут его мысли прервал заурчавший от голода живот.

– А впрочем, чёрт с ним. Согласен. Но что же прикажешь мне делать, если даже ваш священник не сумел с ними совладать?

– А вот об этом тебе лучше у него самого спросить. Он поди уже проснулся, глядишь, чего и подскажет.

– Даже если и подскажет... А не проще будет дом сжечь? Так сказать, в очищающем пламени.

– А ну как пламя на частокол перекинется? – вспыхнул староста.

– Стало быть, придётся внутрь лезть. Говорят, будто бы сталь эту гадость не берёт, – произнёс Таринор, похлопав по ножнам. – Не багром же мне с чертовщиной воевать, в самом деле?

– Ох, наёмник! – староста поднялся с места, видимо, чтобы придать своим словам веса, но даже стоя он был на голову ниже Таринора и добился лишь обратного. – Ты, помнится, говорил, что вопросов не задаёшь? Так почему же у меня от твоих вопросов голова разболелась? Откуда мне знать? Я не инквизитор, не священник и даже не последний чтец, будь он неладен! Ступай к Дормию и допытывай насчёт нечисти его.

С этими словами староста буквально вытолкнул Таринора за дверь. Наёмник оторопел от такого обращения, но иметь проблем с местными ему не хотелось, так что пришлось подчиниться. Оказавшись на улице, он подумал, что неплохо было бы перекусить. Раз деревня неподалёку от тракта, здесь должна быть таверна, и после недолгих блужданий между мрачными покосившимися домами Таринор действительно её нашёл.

«Весёлый кабан» совершенно не соответствовал своему названию. Щели в стенах были законопачены мхом от сквозняка, хотя, должно быть, сильного ветра здесь не бывает. Иначе

вывеска, вырезанная в форме криво ухмыляющегося свина, что еле держалась на своём месте, уже давно бы отвалилась.

Таринор толкнул дверь, та ответила противным скрипом. Освещённая несколькими свечами комнатка с тремя наскоро сколоченными столами тоже не располагали к веселью, но выбирать не приходилось. Дремлющий у очага чёрный кот встрепенулся, поглядел на гостя и, потянувшись, снова положил голову на лапы.

Неприветливый лысеющий таверщик предложил лишь луковую похлёбку. Конечно, не гирландские харчи, конечно, но подкрепить силы сойдёт. «И какая ещё здесь может быть нечисть?» – думал Таринор, перемешивая деревянной ложкой покрошенный в похлёбку хлеб. «Должно быть, пара гоблинов перебрались через частокол и забрались в дом. Местные же со своими суевериями навдумывали чёрт те что. Вот уж действительно, у страха глаза велики.» В таком свете работа показалась наёмнику очень даже выгодной и не пыльной. «Можно будет даже затребовать больше, и незачем говорить старосте, что это были гоблины. Пускай будут демоны или упыри, проверить всё равно некому.»

– Эй, хозяин! А пива у тебя не найдётся? – спросил Таринор, доедая похлёбку.

– Чего нет, того нет. Закончилось, а привоза ещё не было.

– Вот так таверна. Совсем нечем горло промочить.

– Уж чем богаты. Вот если б ты угля или дёгтя попросил, то милости просим. Этого добра с избытком.

Вдруг Таринор вспомнил о разбойничьей фляжке.

– Послушай-ка, подскажи, что здесь налито. На запах ядрёное пойло, только вот не могу понять, какое именно.

Хозяин таверны с подозрением поглядел на фляжку, вынул пробку и понюхал её. Задумавшись на мгновение, он смочил палец содержимым и сунул в рот, после чего скривился и плюнул на пол.

– Ох и дрянь же! Жжёт, как жидкий огонь. Где ты это взял? Помнится, Мирениус что-то похожее в пиво добавлял для крепости, только без этого мерзкого привкуса. Эх, стойкий старик был, что и говорить...

– И для чего же оно стодится? Только пиво крепить?

– Ну, Мирениус говорил, что оно горит недурно. Ты ведь бродяга? Можешь им костёр разжигать. Но если серьёзно, лучше эту пакость вылей, а фляжку кому-нибудь продай или выменяй.

– Как с делами закончу, подумаю, что с ней делать, – Таринор утёр рот рукавом и встал из-за стола, – а пока прощай.

– Эй, а платить кто будет?

– Слушай, я ведь к вам пришёл не потому, что кошелёк от серебра по швам расходится. Меня староста нанял нечисть из дома вашего мага прогнать, и лучше бы мне заняться этим поскорее, если не хотите, чтобы через неделю черти кусали вас за задницу.

– Ну, в таком случае, за тобой должок. И учти, память у меня хорошая.

– Учту. Да, и, пока не ушёл... Почему деревня зовётся Вороний холм, а вокруг ни одного ворона?

– О! Воронов здесь отродясь не водилось, но вот когда углежоги с промысла возвращаются – все чёрные, как черти, от копоти. Один в один вороны!

Таринор покинул таверну под весёлый смех хозяина и огляделся. Бедобор отправил к священнику, а потому стоило найти местный храм. Впрочем, искать долго не пришлось. В

глаза бросилось небольшое, но единственное во всей деревне каменное здание с небольшими оконцами и деревянной крышей, выкрашенной когда-то в белый цвет, но посеревшей от времени. Обыкновенная деревенская церквушка, через пару домов от таверны. Наёмник было направился к ней, но споткнулся о камень, не удержал равновесия и смачно упал прямо в грязь. Извергнув с десяток крепких выражений, он поднялся и принялся отряхиваться. Теперь он стал похож на нищего бродягу, которого забавы ради угостили добротным пинком.

Добравшись до храма, Таринор заметил аккуратно вырезанное на двери традиционное изображение широкой чаши. Этот знак называли «Чашей милосердия», он издавна считался символом Холара, владыки сострадания, смирения и милосердия. «Полагаю, бог исцеления и чистоты простит мне мой внешний вид» – подумал наёмник и вошел в здание.

В центре у алтаря, стояла статуя высотой в полтора человеческих роста. Она изображала фигуру, чей пол определить было нельзя ни по лицу, ни по одежде, держащую в протянутых руках чашу, похожую на ту, что была вырезана на двери. Возле статуи сидел на коленях человек в серой рясе и вполголоса бормотал молитву. Услышав скрип дверей, он медленно поднялся, обернулся и зашагал навстречу Таринору.

В его коротких русых волосах поблескивала первая седина, но в глазах еще не угасла воля к жизни, хоть лицо уже изрезали неглубокие морщины. Щёки и руки покрывали красные пятна ожогов, совсем свежие на вид.

– Да озарит свет твой путь, и да покинут хвори тело! – воскликнул он и тут же осёкся. – Сожалею, но здесь не раздают еду бродягам. Или же ты разбойник, раз пришёл с оружием в храм бога чистоты?

– Я не бродяга и не разбойник. Я наёмник и зовут меня Таринор. А исцеление, судя по всему, нужно как раз тебе, священник. Насчёт оружия – не сочти за оскорбление, но я не слишком доверяю местным, чтобы оставлять меч у порога.

– А что это у тебя на шее? – священник изменился в лице и отступил на шаг. – Ты бежал с виселицы? Учти, пролившего в храме кровь трижды проклянут, а после смерти ему уготовано...

– Я бежал от негодяев, что решили меня вздёрнуть в лесу у тракта, – устало проговорил Таринор, стремясь сохранить самообладание, – поэтому вчерашний день у меня выдался, прямо скажем, дерьмовым. Надеюсь, что сегодняшний окажется лучше, но для этого ответь мне на вопрос: ты отец Дормий?

– Да. Так меня называют здесь, – осторожно согласился священник. – Вот только в храме отца чистоты не пристало сыпать проклятьями.

– Язык мой – враг мой, – вздохнул наёмник. – Был я у вашего старосты, и он меня вроде как нанял. Вкратце рассказал о доме волшебника, а о подробностях велел расспросить тебя.

Отец Дормий потёр бок и сочувственно улыбнулся.

– Стало быть, ты намерен изгнать скверну в одиночку? Даже и не пытайся. Видишь? – он указал на ожоги. – Не хочу, чтобы тебя постигла та же участь, наёмник.

– Слушай, мне обещали денег за очистку дома и направили к тебе. Я семь дней топтал этот... – Таринор запнулся, едва не ругнувшись, – ...Золотой тракт, чтобы добраться сюда из Гирланда, упал в грязь, измазался с ног до головы, и ты заявляешь, что мне ничего не светит, и я снова лягу спать голодным? Неужто совсем нет способа?

Священник поглядел на статую, нахмурился и вздохнул.

– Есть одна возможность. Но тебе придётся нелегко. Скажи, умеешь ли ты читать? – с

надеждой спросил Дормий.

– Представь себе, умею. А причём здесь это? – не понял Таринор.

– Хорошо, я объясню. В книге «Семь постулатов Отца чистоты» есть нужные тебе молитвы для изгнания нечисти. Но тебе придётся как-то попасть в тот дом и читать там книгу в полночь. Можно было бы обойтись и без неё, но ты даже не послушник и наверняка не запомнишь ни одной из изгоняющих молитв в короткий срок. Не говоря уже о том, что написаны они весьма мудрёно, особенно для такого, как ты... Да и нечисть, как видишь, не даёт себя так просто прогнать. – священник задрал рукав и продемонстрировал обожжённую кожу.

Таринор поёжился. Это поручение разительно отличалось от всего, с чем ему приходилось сталкиваться. Читать старые книги и изгонять нечисть ему ещё не доводилось. Но если за это платят, то почему бы и нет? Просто ещё один способ заработать на жизнь.

– И где же мне взять эти «Постулаты»? – спросил наёмник, опасаясь, что ему ещё и книгу придётся самому доставать.

– Она должна быть у меня где-то здесь, в храме, сейчас принесу, – ответил Дормий, после чего вышел через неприметную дверь за алтарём, а наёмник принялся разглядывать храм.

Собственно, кроме статуи, ничего интересного здесь и не было. Через из распахнутого окна падал прямо на неё, делая все сколы и выщербины ещё заметнее. Ко всему прочему, приглядевшись, Таринор заметил, что у статуи не хватает носа. Хоть сейчас она выглядела неважно, но, должно быть, некогда она действительно внушала благоговейный трепет перед Холаром всякому, приходящему в храм. Таринор представил, как кто-то сидел в маленькой душевой комнате и старательно обрабатывал каменную глыбу, пытаясь создать нечто прекрасное, и невольно проникся уважением к кропотливому труду неизвестного скульптора.

Размышления наёмника прервал скрип дверцы, из которой показался отец Дормий, несущий в руках старый потрепанный фолиант. Так вот они какие, «Постулаты», догадался, было, Таринор, но священник подошел ближе, и наёмник понял, что книга эта совсем другого толка. Чёрный кожаный переплёт и явно нецерковные знаки на корешке красноречиво давали понять, что таким книгам в храме не место.

– Надеюсь, я не заставил тебя долго ждать, Таринор?

– Вовсе нет. Это ведь не «Постулаты», верно? – наёмник указал на книгу.

– Верно, – согласился священник, – это «Трактат о нечистых», учебник по демонологии. Старый, но весьма неплохо написанный.

– И как же он к вам попал?

– Долгая история, Таринор, и поверь, её не стоит рассказывать в этих стенах. Скажу лишь, что я, как и все, тоже был молод и безрассуден. «Постулаты» залило водой с прохудившейся крыши. Книгу нужно просушить, так что я решил принести тебе эту.

– И чем же она мне поможет? – удивился наёмник.

– Во-первых, Таринор, тебе необходимо знать, с чем имеешь дело. А во-вторых, помимо прочего, здесь описаны разнообразные способы как призыва, так и изгнания нечисти. Думаю, ты найдёшь что-нибудь подходящее для себя, – с этими словами священник протянул фолиант Таринору. – Только не вздумай пытаться кого-то призвать. Это может стоить слишком дорого и тебе, и всем нам, – с грустью добавил он.

Наёмник взял трактат с чувством суеверного страха и отвращения, возникающего у всякого нормального человека. Кто знает, чьи руки могли держать книгу по демонологии до

священника.

– Можешь сесть вон туда, – отец Дормий указал на невысокий деревянный столик у стены, на который как раз кстати падал луч света. – Я буду молиться за твой успех. Если что будет непонятно, спрашивай, не стесняйся.

Священник опустился на колени перед алтарём, склонил голову и начал бормотать молитву, а Таринор направился к столу и уселся на покосившуюся трёхногую табуретку. Он осторожно раскрыл книгу и начал листать страницы. Длинные тексты перемежались редкими изображениями демонических тварей. У художника явно был талант: твари выглядели одна другой гаже.

После долгого вступления, подробно разъяснявшего мысли автора о демонах и работе с ними, у Таринора начала болеть голова, поэтому он решил довериться удаче, захлопнув книгу и раскрыл её на случайной странице. Ему действительно повезло: страница попала с картинкой, изображавшей скрюченное мохнатое создание на свиных копытцах, с ослиным хвостом и козьими рогами на макушке. Приглядевшись, Таринор разглядел за спиной твари крылышки. Надпись под рисунком гласила: «Чёрт, ничтожнейший из демонов. Изгнание его, призыву подобно, дело нехитрое. Стоит лишь выведать его истинное имя. Когда оно известно, следует сказать: «Barezul az'hab balaris! Из мира сего на веки вечные изгоняю нечистое создание, именуемое, здесь-то имя его и следует говорить» и отправится сия тварь в место обитания оной». Ниже чья-то рука неровным почерком добавила приписку: Данный метод верен также для любой низшей нечисти. Для работы с более могущественными созданиями смотри главу «Ритуалы и методы».

«А вот это может пригодиться», подумал наёмник и решил полистать ещё. К сожалению, большая часть книги оказалась нудным описанием ритуалов, полным непонятных слов и правил черчения символов. Единственным, что удерживало интерес наёмника были немногочисленные картинки, которые к концу трактата пропали совсем. Попробовав прочитать ещё пару абзацев, Таринор начал клевать носом и вскоре погрузился в сон.

– Проснись... Пора... Вставай...

Таринор вздрогнул, его трясли за плечо. С трудом разлепив отяжелевшие веки, он увидел рясу священника, а подняв голову, и обеспокоенное лицо отца Дормия.

– Пора, наёмник, скоро полночь. Тебе стоит поторопиться, если ещё не передумал.

– Ах да... Я, кажется, задремал, – Высохшими губами пробормотал Таринор.

– Весь день проспал. Похоже, чтение – слишком утомительное для тебя занятие. Но хоть сил набрался – они тебе, я уверен, понадобятся. Вот, – священник протянул ковш, – умойся перед уходом.

Наёмник зачерпнул руками воды и смыл пот с небритого лица. Слегка освободившись от липких пут сна, он встал и потянулся. Ночную темноту в храме нарушало только тусклое сияние свечей. Таринор двинулся к выходу, силясь разглядеть путь в полумраке, и при этом ни обо что не запнуться.

– А где его найти-то, дом этот? – только у самого порога наёмник вспомнил, что так и не спросил, куда ему идти.

– Как выйдешь, поверни налево. Как доберёшься до частокола, снова поворачивай налево и иди вдоль него, пока не доберёшься до дома с заколоченными окнами. Если у тебя

хороший нюх, учуешь запах серы. Ну, ступай, я буду молиться, чтобы Холар не оставил тебя!

– Спасибо и на этом, отец Дормий, – вздохнул Таринор. – Если чего хочешь пожелать напоследок, то пожелай, чтобы мы встретились снова.

Он оставил сумку в храме, взяв с собой только меч и фляжку с огненным пойлом на случай, если дом придётся сжечь. Отворив скрипучую дверь, Таринор оказался на тёмной деревенской улице, освещённой лишь белым ликом луны. Этой ночью, казалось, само время заснуло и остановилось. Тишину нарушали лишь невидимые сверчки, оглашавшие округу негромким металлическим стрекотанием. Деревня, казавшаяся мрачной и угрюмой утром, теперь приобрела мистическую, даже сказочную атмосферу таинственности. Свежий прохладный воздух наполнил лёгкие Таринора, изрядно освежив его после сна, даже несмотря на вездесущий запах гари, который, наверное, до костей пропитал местных жителей. С выражением умиротворения наёмник отправился на поиски дома Мирениуса, старательно обходя многочисленные лужи. К счастью, после объяснений священника искать пришлось недолго.

В темноте частокол казался неприступной черной стеной. Вплотную к нему, словно облокотившись на эту стену, стоял неказистый домик с покосившейся деревянной крышей, из которой торчала труба. Несмотря на темноту, было видно, что из трубы тянется струйка сизого дыма, а через заколоченные окна пробивался неровный свет. Наёмник подошел поближе и припал ухом к двери. Изнутри, вот удивительно, доносились голоса и смех и, Дормий не соврал, действительно тянуло серой.

Таринор медленно вытащил меч из ножен. Сделав глубокий вдох, он решил было вышибить дверь, но, с удивлением заметив, что она не заперта, подумал, что лучше будет открыть её крепким пинком и застать врасплох тех, кто там засел. Кем бы они ни были.

Молодецки размахнувшись ногой, наёмник сильно и громко пнул дверь. Несмотря на хлипкий вид, дверь с петель не слетела, а только резко распахнулась, и Таринор оказался в доме. Среди груды хлама – разбитых склянок, сломанных бочек и обломков книжного шкафа – посреди комнаты прямо перед камином стоял покосившийся деревянный стол. А рядом с ним на деревянных табуретках восседали двое диковинных созданий. Того мига, что наёмник находился в доме, ему хватило, чтобы разглядеть их до смешного своеобразный облик. Голову первого украшала пара длинных рогов и длиннющий нос. На морде второго, весьма упитанного, красовался мясистый пяточок, вроде свиного, а из макушки торчали короткие кривые рожки. При этом у обоих имелись маленькие крылышки и мохнатые ножки с парными копытцами, а роста в них было не больше, чем половина от человеческого. Таринор моментально вспомнил картинку из трактата, и по коже пронеслась неприятная дрожь. Черти. Та ещё деревенька, этот Вороний холм.

Черти же в свою очередь удивлённо глядели на Таринора. Они не выглядели испуганными, но их взгляд выражал явный интерес к нежданному гостю. Несколько секунд тишину нарушало лишь потрескивание огня в камине, а потом один из них заговорил.

– Ты ещё кто такой? – осторожно спросил длинноносый. – Чего пришёл?

– Я... – Таринор чуть было не ответил, что пришёл изгонять их, но вовремя взял себя в руки, представив, что демоны сделают с ним, ляпни он подобное. Тут заговорил чёрт с пяточком.

– Ты, ты. Только не говори, что прогнать нас явился! Давеча вон приходил один... Убежал в ожогах, что свинья на вертеле! – черти противно захихикали. – А ты вроде на него не похож, не буйнишь, не кричишь. Вот только с дверью поосторожнее, так и сломать можно,

а на улице прохладно. Садись-ка к нам, только железяки свои спрячь, порежешься, – добавил толстяк с ехидной ухмылкой.

– А откуда мне знать, что вы меня так же не подпалите? – спросил наёмник, осторожно подходя к столу.

– Брось! – махнул рукой толстяк. – Мы же его не просто так, а за дело. Он как ввалился, как начал руками махать да водой плескаться, вот мы его и пугнули. А ты, я вижу, мужик умный, сил понапрасну не тратишь. Не знаешь, куда сесть? Так это мы мигом.

Из груды хлама у стены вылетела пара бочонков. Один приземлился между толстым и носатым, а второй отправился в камин, заставив огонь разгореться с новой силой. Таринор занял предложенное место, решив не торопить события.

– А что это там у тебя? – прищурился чёрт с пяточком, указав толстым пальцем на деревянную фляжку в руках наёмника.

– Это... Угощение, – нашёлся тот и поставил выпивку на стол. – Не желаете?

– Отчего же? Еще как желаем! – хрипло взвизгнул чёрт с пяточком и в предвкушении потёр руки.

Схватив фляжку, он вынул пробку зубами и выплюнул её. Принюхался, лизнул горлышко и принялся так жадно хлебать содержимое, что прозрачная жидкость потекла по его щеке. Вскоре он получил от носатого увесистый подзатыльник и поперхнулся.

– Эй, за что?! – изумлённо воскликнул чёрт, потирая затылок.

– Гурх, ты свинья, – презрительно проговорил длинноносый. – Мог бы проявить хоть каплю приличий, у нас тут всё-таки гость.

– И что с того? – перебил толстяк. – Я такого славного пойла целую вечность не пил! В горле сухо, как в пустыне. Да что там, с тех пор как меня призвал тот маг пару лет назад, я ж и капли в рот не брал. Золотой был человек! – мечтательно протянул чёрт, бережно ставя выпивку на стол. – Мы с ним выпивали, по душам разговаривали. Не то что ты, Меф! Гад ты самый распоследний, вот. Я ж капельку всего...

Гурх снова потянулся было к фляжке, но носатый ловко пнул трёхногий табурет, отчего тот повалился на пол вместе с сидящим на нём толстым чёртом.

– Гад ты, Меф. Гад и подлец. Чтоб тебе чучелом на стене висеть! – буркнул Гурх, поднимая табурет и себя с пола. – И он ещё меня свиньёй называет. Если я свинья, то ты – самый настоящий козёл! Скучно тебе было? Вот увидишь, скоро нас отсюда выдворят и тогда тебе станет очень весело...

– Кто выдворит-то? Не думал, что мы кому-то мешаем. Вот скажи мне, мил человек, – Меф обратился к наёмнику, зачем нас хотят прогнать? Неужто мы кому-то портим жизнь? Сидим тихо, никого не трогаем. Или место занимаем? Так здесь всё равно никого, дом заброшен.

– Ага! – прихрюкнул Гурх. – А бывший хозяин был или алхимиком, или пьяницей! Впрочем, одно другому не мешает, тем более что он оставил после себя столько бочонков! Жаль, что пустых, зато горят хорошо.

– Обычно людям не по себе от соседства с нечистью, – ответил наёмник.

– Слышал, Гурх? – усмехнулся носатый. – Едва пришёл, а уже нечистью обзывается.

– Ну, не знаю, как я, но ты точно далеко не чистюля... – толстяк вновь потянулся к фляжке, но на этот раз получил по руке.

Таринору стало жарко. Рубаха противно прилипла к телу, вдобавок от едкого дыма, не полностью ушедшего через явно давно нечищенный дымоход, резало глаза. Меф и Гурх от

души обменивались ругательствами, вовсе не испытывая неудобств от дыма или просто его не замечая. Чтобы хоть как-то охладиться, наёмник решил скинуть дорожный плащ и подложить его под себя. Встряхнув плащ, Таринор выронил колоду карт, перевязанную тесьмой.

– Ишь ты! – воскликнул Гурх, хрюкнув. – Свой человек! Выпивкой угостил, так ещё и карты принёс! Сыграешь с нами партейку-другую?

– Не дави на гостя, быть может, он совсем не любит карточных игр и носит их с собой просто так, – зевнул Меф.

– Что за чушь! Чего ради таскать с собой карты, если в них не играешь! На что ноги, если ими не ходишь? Или голова, если в ней нет мозгов? – Гурх искоса глянул на носатого, но тот сделал вид, что не заметил.

– Отчего бы и не сыграть? – улыбнулся Таринор.

Наёмник решил, что игра поможет выиграть время и что-нибудь придумать. Хотя бы отвлечёт от едкого дыма, неохотно выходившего через забитые окна.

– Первую партию раздам я. Надеюсь, козырь будет не червы.

Утро нового дня озарило мягким светом восточное крыло Академии, где на вершине башни с видом на море в небольшой комнатухе мирно посапывал декан факультета огня Маркус Аронтил, развалившись на мягкой кровати. Солнечные лучи, осветившие комнату через мутное окно, упали прямо на его худое лицо, отчего маг проворчал что-то неразборчивое и, поморщив длинный нос, повернулся на другой бок. Но сохранить сон при этом ему не удалось: какая-то муха, видимо тоже разбуженная утренним светом, начала биться в окно, неистово жужжа при этом. Маркус, повернулся к окну и открыл глаза. Увидев надоедливое насекомое, он поднял руку, и промямлил что-то под нос. В этот момент из его указательного пальца вырвалась тонкая струйка огня и обожгла стекло возле мухи. Покружив немного, она начала биться с удвоенной силой.

Маг сонно ругнулся и повторил действие. На этот раз пламя испепелило муху на месте, оставив на оконном стекле лишь закопченный силуэт. Маг расплылся в глупой улыбке и снова отвернулся к стене с надеждой поспать еще, но в этот самый момент, как назло, раздался громкий стук в дверь. Маркус сначала мысленно послал визитёра куда подальше, но стук становился всё громче и настойчивей, так что маг, хрипло проговорив «сейчас, минуточку», встал с постели, едва не наступил на рыжего кота, сладко спящего на тапочках у кровати, накинул халат и открыл дверь. Заспанными глазами он оглядел нарушителя сладкого сна.

За дверью оказался плотного телосложения человек, в льняной серой накидке, которая выглядела простецки даже в сравнении с халатом Маркуса, протёртых синих штанах и стоптанных коричневых туфлях. Его полное покрасневшее лицо с мясистым носом выражало волнение, а под довольно большими покрасневшими глазами красовались мешки. Он тяжело дышал, очевидно, быстро поднимался по лестнице.

– Эберт... Что случилось? – зевая, спросил Маркус, узнав своего камердинера.

– Господин, Архимаг Вингевельд... Вызывает... Срочно... – задыхаясь ответил тот.

– А он не объяснил в чём дело?

– Нет... Только сказал: «Вызови ко мне Маркуса Аронтила, срочно!» Грозно так...

– Едва рассвело... Что ж, сейчас явлюсь, – со вздохом сказал маг и прибавил: – И ещё, Эберт, я даю тебе выходной. Нет, даже два. Отдохни, а то на тебя смотреть больно: растрёпан, глаза ввалились, лицо осунулось...

– Спасибо, господин, вы очень добры! Я сообщу Архимагу, что вы скоро придёте.

– В этом нет нужды, Эберт. Ему не придётся долго меня ждать. Лучше ступай домой и отоспись хорошенько.

Попрощавшись с Маркусом, радостный камердинер понёсся прочь, то и дело запинаясь о полы накидки. Маг улыбнулся. «Эх, кто бы мне такой выходной устроил!» – подумал он и ощутил, как что-то пушистое и тёплое трётся о его ноги.

– Что, Огонёк, тебя тоже разбудили? – усмехнулся маг.

Кот поднял голову и жалобно мяукнул. Правый его глаз был обычного для кошек жёлто-зелёного цвета, но вот левый, лазурно-голубой, напоминал о безоблачном утреннем небе.

– Конечно, я обязательно тебя покормлю, когда вернусь. Дело хоть и срочное, но не думаю, что займёт меня надолго.

Вызов к Вингевельду был случаем особым, а потому требовал особой одежды. Маркус вынул из шкафа красную парадную мантию с золотой вышивкой в виде языков пламени. Он

надевал её нечасто и заметил, что вся она покрыта янтарно-рыжей кошачьей шерстью.

– И как она туда только попадает... – проворчал Маркус, обернувшись на кота. Тот поглядел на хозяина круглыми глазами и принялся вылизывать себе лапку. Маг улыбнулся и вздохнул: – Нет, на тебя совершенно невозможно злиться.

Он безуспешно попытался стряхнуть волоски с мантии, но, в конце концов, просто надел её, понадеявшись, что рыжие волосы будут не слишком заметны на красной бархатной ткани.

После этого Маркус принялся искать расчёску, но, не обнаружив в комнате ничего похожего на неё, решил взглянуть в настенное зеркало. Быть может, с волосами и не придётся ничего делать.

Его собственное отражение глядело на него, устало опустив брови. Круги под зелёными глазами, казалось, становились больше с каждым годом. Хоть маг был уже далеко не молод, он гордился своей ещё не тронутой сединой светло-русой шевелюрой до плеч, которую обычно зачёсывал назад. Но сейчас внимательный взгляд преподавателя заметил что-то непривычное. Маг пригляделся и ужаснулся. Из макушки торчал седой волос. Маркус выдернул его резким движением и брезгливо испепелил между пальцами. Тщательно осмотрев голову, он не обнаружил других подобных сюрпризов и со вздохом пригладил причёску рукой. «Уже четвертый с начала месяца», с грустью подумал маг, пошевелив пальцами коротко стриженую заострённую бородку. «Радует, что хоть в бороде их ещё нет».

Наконец, надев свои старые парадные сапоги, он покинул комнату, спустился по длинной винтовой лестнице и направился к центральной башне Академии. Там в просторном и светлом кабинете его ждал Архимаг Вингевельд, руководивший этим местом вот уже почти двадцать пять лет. Вингевельд был фигурой таинственной, вызывающей уважение у всех жителей Вальморя, так или иначе связанных с Академией. Архимаг прослыл одним из самых могущественных волшебников, поскольку, досконально изучив магию воды и элементы стихии воздуха, сумел обуздать могучую и опасную стихию льда. Маги высоко ценили уникальность, а потому Вингевельд был непререкаемым авторитетом как в Академии, так и за её пределами.

Идя по длинному коридору, Маркус размышлял над причиной его вызова. «Быть может, он решил вознаградить меня за годы работы с этими оболтусами и предоставить более просторное жильё, а то в этой комнатухе и развернуться то негде. Ещё шкаф бы новый мне не помешал. И сапоги! Да, неплохо бы». Маг пустился в пространные размышления о том, чего ему не хватает для полного счастья. Список необходимых вещей начинался с сапог, лучше всего любимого Маркусом красного цвета, а заканчивался отдельным домом в городе с чердаком и подвалом. У некоторых преподавателей были такие. Так чем же он хуже?

«А ещё неплохо бы получить отпуск хотя бы на месяц. Может, хоть выплюсь чуток...» – зевая, подумал Маркус, когда проходил мимо настенной картины, изображавшей архимага Элиморуса, талантливого алхимика, погибшего от собственного изобретения, эликсира сна. Постоянно мучимый бессонницей маг создал сильное снотворное, но, выпив его, уснул навеки.

«Только бы не очередной разнос», – пронеслось в голове мага, когда он увидел портрет Йоруса Дикого, что глядел с холста выпученными глазами. Архимаг Йорус был известен вспыльчивым нравом и тем, что к концу жизни его возненавидела добрая половина Академии.

По пути Маркус то и дело встречал сонных студентов, учтиво склонявших голову, когда

маг проходил рядом. Кроме них мимо проносились вечно спешащие академические служащие и книжники. Хотя эти люди и не владели магией, но без них быт Академии представить было невозможно. Маги занимались обучением студентов и магическими экспериментами, и сама мысль о том, чтобы кто-то из них самостоятельно мыл полы, готовил еду и копался в архивах, выискивая нужную книгу среди сотен пыльных фолиантов, казалась возмутительной. К тому же, кому, как не книжникам, учить читать и писать вчерашних уличных мальчишек и девчонок.

Да, помимо тех, кого состоятельные родители сами отправляли в Академию, в будущие волшебники нередко набирали сирот и беспризорников, оставшихся на улице или попавших в монастырский приют. Магический дар управления стихией мог проявить себя в любой момент, пока ребёнку не исполнялось двенадцать. Как только это случалось, следовало отправить письмо в Академию, чтобы специальный человек, вербовщик, приехал и увёз ребёнка туда, где из него сделают настоящего волшебника. Если, разумеется, студент не погибнет из-за несчастного случая или не добьётся того, что его отчислят и отправят прочь.

Конечно, было бы неразумно отпускать мага-недоучку на все четыре стороны, поэтому такого студента попросту лишали сил. Для этого нужно было пройти через ритуал, в котором от ребёнка требовалось всего лишь постоять в особой каменной арке, пока обученные маги сделают всё остальное. После такой нехитрой процедуры бывший студент был волен идти, куда вздумается, а арка продолжала стоять в большом холле Академии как напоминание о том, что ждёт слишком несносного сорванца. Бывали случаи, когда неспособный совладать с бурлящей в нём силой студент сам просил лишить его магии, чтобы служить Академии в ином качестве. Такие обычно становились служащими или книжниками и, в общем-то, были вполне довольны такой жизнью. Могли они и уехать в Хельмар, чтобы продолжить обучение в крепости-университете Хельмгард и посвятить свою жизнь искусству врачевания, алхимии или другим естественным наукам, не требующим владением магии.

Когда-то, столь давно, что это стало легендой, могущественный волшебник Хельм по прозвищу Буревестник вернулся из долгого путешествия в таинственные земли востока. Кроме секретов изготовления бумаги и создания компаса, он узнал секреты боевой магии, а главное, как ей обучать тех, в ком просыпается магический дар. Он решил поделить магическое учение на четыре части – по одной на каждую из стихий, как это было принято в дальних восточных землях, и основал магическую школу на островке в устье могучей реки Атер неподалёку от Ветряного пика, замка его друга, лорда Хораса Свальдера. В этой школе обучали не только волшебников, но и не наделённых магическим даром людей, потому как Хельм Буревестник, хоть и ценил магию превыше других искусств, но понимал необходимость накопления и передачи бесценных знаний.

«Невежда хуже негодяя» – так гласят первые строки книги «Наставляя наставников», которую великий Хельм написал для всех, кто в будущем будет передавать знания ушедших веков в стенах его школы. Обучение велось во многом на аэтийском, который Хельм полагал языком учёности, привезя из странствий множество естественнонаучных книг на этом языке. Юноша, и обычно это был именно юноша, девочек в Хельмгард принимали лишь с магическим даром, мог попасть в стены школы после того, как ему исполнится тринадцать, после чего становился школяром. И только после того, как сумеет сдать семь экзаменов, он получал звание магистра. Причём, в зависимости от способностей, он мог как стать магистром в сравнительно молодом возрасте, так и до седин проходить в школярах.

Со временем школа разрослась, превратилась в университет и обзавелась собственной

крепостью со всеми необходимыми помещениями, а вокруг Ветряного пика вырос портовый город, который после смерти великого мага назвали Хельмар. Управление университетом взял на себя первый ученик Хельма, приняв титул архимагистра, который спустя одиннадцать лет передал другому достойному магистру.

Так продолжалось до рокового года, который назвали Годом чёрных костей. В тот год талантливый магистр Мортимер объединил магическое искусство с самыми разнообразными знаниями, подчерпнутыми им за годы, проведённые в Хельмгарде, и открыл для себя некромантию. Конечно, схожие искусства были в ходу в том же Анмоде, где аш'медаи, говорящие с мёртвыми, могли устроить родственникам умершего разговор с ним, но именно Мортимер, сменивший вскоре имя на Моршад, первым в Энгате научился делать из мертвецов безропотных слуг. Он воскрешал мёртвых и выпивал жизнь из живых, намереваясь добиться бессмертия и захватить Энгату со своим ужасным войском.

Первый некромант успел навести ужас на весь Золотой берег, пока в жестокой и кровопролитной битве его не разбила объединённая армия Скайнов и Морбетов близ Эбенфорта, на опушке Чёрного леса. И, хоть тело Моршада было сожжено вместе со всеми его записями, которые удалось найти, а прах развеян по ветру у берегов Закатного моря, Энгату охватил страх перед магами. И страх этот, как и любой другой, быстро перерос в ненависть. Некоторые лорды даже прогнали своих придворных чародеев прочь. Священники твердили, что занятия магией – преступление перед богами. Они равняли с некромантами не только алхимиков и стихийных магов, но даже врачей, натуралистов и переписчиков книг. Над Хельмгардом сгущались тучи, и даже лорд Отис Свальдер, потерявший в войне с некромантом двоих сыновей, был готов присоединиться к врагам университета.

Решение предложил архимагистр Геллерт, сменивший убитого Моршадом Вольмера Красного: разделить университет, оставив в Хельмгарде лишь тех, кто обучал и обучался наукам, а всех магов отправить на остров Морант, лежащий к западу от Хельмара. На это предложение великие лорды Энгаты согласились, но недоверие к магам осталось в стране на долгие века. Так архимагистр Геллерт стал первым архимагом, а бывшие магистры магии – просто магами. Вокруг места ссылки магов, которое они назвали Академией, со временем вырос городок Вальмора. Титул архимага стал передаваться также, как и в Хельмгарде, а название «Академия» настолько прижилось, что никто и не думал называть это место иначе.

Многие обладатели волшебного дара, в основном деревенские, никогда в жизни не были на Моранте. Они обращались со своей силой по наитию, становясь знахарями, а кто-то мог посвятить себя служению мрачному искусству демонологии, запрещённому, как и некромантия. Тем не менее, на службу к лордам принимались только обученные Академией стихийные маги, которые в своё время вполне могли быть беспризорными мальчишками, за что лорды между собой презирали волшебников за низкое происхождение. Маркус вспомнил, как и сам некоторое время был вербовщиком и ездил на материк за такими детьми, напуганными открывшейся в них силой. Но это было давно. С тех пор он больше не покидал остров, да и за стены Академии выходил не слишком часто.

Наконец, пройдя длинный коридор, Маркус остановился перед дверью, на которой красовалась золотая табличка с выгравированной надписью: «Глава Академии Вальморы, архимаг Вингевельд». Декан огня не раз и не два вот так стоял перед этой дверью, глядя на золотую гравировку. Так уж вышло, что маг-приверженец определённой стихии обычно имел черты характера, связанные с ней. Так огненные маги всегда были самыми беспокойными и активными, если не сказать больше. А потому именно студенты огня часто становились

головной болью Академии в целом и декана огня в частности. Отвечать за их «шалости», вроде пожаров и магических дуэлей в коридорах Академии, приходилось, разумеется, Маркусу. Вот и теперь, находясь перед злополучной дверью, Аронтил слышал биение своего сердца и вытирал вспотевшие ладони о мантию. Наконец, минуту простояв в нерешительности, маг трижды постучался. Ответа не последовало. Тогда Маркус приоткрыл дверь и, просунув голову в проём, окинул взглядом помещение.

На стенах просторной светлой комнаты висели всё те же знакомые ему старинные картины и портреты великих архимагов прошлого, а через большое окно в помещение проникал яркий утренний свет. В центре стоял красивый письменный стол на украшенных затейливым орнаментом ножках. На нём покоилась аккуратная стопка бумаги и чернильница с лежащим рядом пером. Место архимага за столом, кресло с высокой спинкой, украшенной затейливым орнаментом, пустовало.

В комнате не было ни души, и, недолго подумав, Маркус решил дожидаться Вингевельда в его кабинете. Архимаг делал так не в первый раз: охранные чары не пропустили бы никого другого, кроме деканов. Маркус занял гостевое кресло у окна, но уже через минуту сидения на одном месте декан Огня заскучал и стал разглядывать шкаф слева от двери. За стеклянными дверцами лежали книги: старинные фолианты, бестиарии, рецепты... Авторов многих из них уже давно нет в живых, но их знания до сих пор хранятся на ветхих страницах.

Маркус завидовал им. Он тоже хотел когда-нибудь написать книгу. Ему было не особо важно содержание, количество страниц или качество бумаги: главным для него было то, что после его ухода о нём будут помнить. Взять хотя бы эти картины – Маркус охватил взглядом портреты на стенах – половина студентов даже не знают, кто изображён на них, ведь им лень прочесть надпись под рамкой. А книга – дело другое. Если её кто решит прочитать, а маг надеялся, что таких будет немало, то обязательно посмотрит, кто автор и помянет добрым словом. Или недобрым. Главное – помянет! Маркус ярко представил себе переплёт книги «Распространённые ошибки при использовании огненной магии» или «Маркус Аронтил. Собрание сочинений».

Маг снова погрузился было в мечтания, как вдруг услышал негромкие и неспешные шаги в коридоре. Маркус напрягся всем телом и стал ждать. Шаги медленно, но верно приближались, и для мага они были сродни поступи рока. Странно, что Вингевельд не спешит.

Наконец, дверь распахнулась, и в кабинет вошел седовласый человек в серебристой мантии до пола. Прикрыв за собой дверь, он сел за письменный стол, словно бы не заметив Маркуса. Наконец, старик глубоко вздохнул и перевёл взгляд на недоумевающего декана Огня.

– Прошу меня простить, Маркус, – негромко и спокойно произнёс архимаг. – Срочные дела требовали моего вмешательства. Можешь предположить, зачем ты здесь?
– Вероятно потому, что вы послали за мной? – неуверенно ответил Маркус.
– Это следствие, а не причина. Быть может, попробуешь догадаться? – хитро прищурившись, архимаг скривил краешек губы.

Глава Академии был человеком незаурядной внешности: на вид ему было лет семьдесят, но его точного возраста Маркус не знал. Продолговатое худое лицо, единственное, прямой и узкий нос, глубокие морщины на лбу. Серебряно-седые волосы, которые он обычно собирал в хвост. Борода доходила до середины груди и, как всегда, была аккуратно стрижена и причёсана. Под ней виднелся серебряный амулет с акваарином на тонкой цепочке.

Маркус раньше не замечал, чтобы Вингевельд, носил украшения. Должно быть, чей-то подарок. Камень в форме ромба, казалось, светился изнутри и был почти того же цвета, что глаза старика. Их декан огня всегда считал самой удивительной чертой архимага. Бледно-голубые и внимательные, они будто источали свет и вместе с тем были холодны и беспристрастны. Эти глаза придавали лицу архимага невозмутимость, которая, казалось, не исчезла бы даже при встрече с драконом. Маркус очень не любил смотреть в эти бездонные колодцы, полные ледяной воды. Они глядели в самые потаённые уголки души, и солгать им было невозможно.

– Это как-то связано с моими студентами? – осторожно предположил Маркус, пытаясь понять, что могло произойти. – Кто на этот раз? Эрнхольц? Сарион?

– Ни тот и ни другой, Маркус, – взгляд архимага по-прежнему был спокоен. – Но дело действительно связано с одним из студентов, а также с тобой. Но сначала скажи, готов ли ты поменять обстановку или, скажем, отправиться в путешествие?

Вопрос поставил Маркуса в тупик. Он поменялся в лице и побледнел, не зная, как правильно истолковать эти слова, и нет ли в них подвоха. «Неужели архимаг в кои-то веки оценил меня по достоинству и решил вознаградить заслуженным отдыхом!» просветлел маг, но настроение тут же сменилось мрачным, стоило ему подумать дальше. А может быть это вежливое предложение навсегда покинуть Академию? От волнения мысли мешались и путались.

– Да, я бы с радостью, в интересах Академии... – вымолвил маг и приготовился к худшему.

– Отлично, – продолжал архимаг. – Теперь я могу объяснить тебе причину почему я послал за тобой. Один из твоих студентов совершил кражу.

– Почему-то я не слишком удивлён, – печально вздохнул Маркус. – От этих оболтусов всего можно ожидать...

– Не суди их строго, Маркус. Они дети, и от них можно ждать лишь того, на что способны дети. К тому же сила огня накладывает определённые... следы на их разум. Но на сей раз была украдена ценная вещь. Такая, до которой студент не мог добраться без посторонней помощи.

Маркус съёжился в кресле. От пронзительного взгляда Вингевельда невозможно было что-то утаить, но невозможно скрыть то, о чём не знаешь сам. Маркус понимал, что архимаг имеет в виду его, но не мог понять, каким образом он, декан огня, мог помочь кому-то в краже.

– Я не понимаю... Чтобы я помог студенту преступить закон Академии... Уму непостижимо, – дрожащим голосом проговорил Маркус и после короткого молчания добавил: – Да и потом, ещё не родился студент, ради которого я пошел бы на такое!

– Неужели? – Вингевельд приподнял бровь. – Не думал, что ты так скоро забудешь того, кто был тебе почти сыном. Сколько лет прошло? Кажется, пять? Нет, ты не мог забыть самого, насколько мне известно, близкого тебе человека в столь короткий срок. Сомневаюсь, что кот, которого ты завёл пару лет спустя, сумел вытеснить мальчишку из твоего сердца.

Маркус стал бледнее прежнего. Воспоминания, которые почти стёрлись из памяти, вспыхнули ярким пламенем. Как он встретил нищего мальчика-сироту со способностями к магии в городе Дракенталь. Как увёз его в Академию, приютил, стал ему наставником и другом. И, наконец, как провожал его на корабль, когда он покидал остров.

Да, его исключили после семи лет обучения, лишив магических сил. «За учинение

беспорядков и отсутствие дисциплины» – именно так гласил приказ об отчислении, подписанный архимагом. Но Маркус знал: у мальчика огромный потенциал: спустя один единственный год обучения, едва умея читать и писать, он владел магией огня на уровне среднего курса. К сожалению, это было единственное, что он мог делать по-настоящему хорошо. Прочие дисциплины давались ему с трудом – он еле осилил азы алхимии и не проявлял ни малейшего интереса к теории магии. Мальчик настолько был пропитан силой огня, что испытывал особую, словно физическую, неприязнь к магии воды.

– Я... я помню, – с горечью сказал маг. – Я понял, о ком вы говорите, но мне не ясно, причём здесь он? Это было так давно. И он... – Маркус запнулся. – Он не мог ничего украсть! Возможно, был проказником, но вором – никогда.

– Проказником?! – прогрохотал архимаг, резко вскинув брови. – То, что он творил, было слишком даже для студентов огня! После его последней «проказы» Академия лишилась бесценных гобеленов, а гостевую комнату ремонтировали два месяца! Я уже не говорю о многочисленных ожогах, полученных студентами, которым «посчастливилось» стать свидетелями его выходки! Все те годы ты оправдывал его, но мальчишка был неуправляем. Он был опасен для Академии. Для нас всех. Иного решения я принять не мог.

– Я верил, что он научится управлять эмоциями. Он научился бы... Если бы его не вышвырнули, как паршивого щенка... Быть может, вы считаете, что, живя в одиночестве во внешнем мире, у него получится лучше справляться с собой? Или, что он станет менее опасен для окружающих? – голос Маркуса стал твёрже и уверенней.

– Во всяком случае, Академии он больше не навредит. Да и после отчисления единственный огонь, что доступен ему – тот, который он разведёт сам. Как все обычные люди.

– Простой люд и так не жалуется магов, даже бывших, а он порой бывал слишком резок в словах и действиях... Его могли посадить или даже убить!

– Это уже не наше дело, Маркус. Я глава Академии, и меня заботит только судьба Академии. Если он попал в беду, то винить ему стоит, прежде всего, себя. К тому же, если он не болтал языком попусту, никто и не догадался, что он маг. Вернёмся к делу, Маркус. Я не зря завёл речь об этом мальчишке. Раз тебя так волнует его судьба – разыщи его.

– Я не понимаю. Сначала вы говорили о его опасности для Академии, а теперь желаете вернуть его?

– Не его, – архимаг снова заговорил своим ледяным тоном. – Я желаю получить ту вещь, которую он имел неосторожность прихватить с собой.

– И что же это за вещь? – с недоверием спросил Аронтил.

– Посох. Но не обыкновенный. «Бушующее пламя», реликвия архимага Серхиана. Ценный предмет, владеть которым достоин далеко не каждый, а тем более неуравновешенный недоучка, который может сломать его об колено в порыве злости или обменять на мешок репы. Хоть эта вещь и не имеет магической силы, но это собственность Академии, часть её истории, которая должна храниться в архиве и нигде больше. Его необходимо вернуть. И сделаешь это ты, Маркус. Ты знаешь, почему я принял такое решение, не так ли? – архимаг прищурил глаза и пронзительно посмотрел на декана Огня.

– Да... Я знаю. Поймите... Я не мог отпустить мальчика во внешний мир без ничего, когда его и так лишили силы. Хотел, чтобы у него было хоть что-то, что напоминало бы ему об этих стенах, – Маркус печально опустил взгляд. – Он зачитывался историями об архимаге Серхиане. И всё же как...

– Как я узнал? – архимаг скривил губы в улыбке и взгляд его несколько смягчился. – Пропажу обнаружили во время недавней ревизии архива. И так как мне известно, что к этому причастен ты, я принял решение отправить на поиски именно тебя. А насчёт твоего дорогого ученика... Я понимаю. Но тебе, наверное, самому ясно, какую ошибку ты совершил? Можешь считать это своим справедливым наказанием, а заодно шансом искупить вину. Найди мальчишку или то, что от него осталось, и верни посох в Академию. Как ты это сделаешь – не важно, важен лишь результат.

– Но как же мой факультет? Мои студенты?

– На время твоего отсутствия должность декана Огня займёт подходящий преподаватель. К слову, завтра же он переселяется в твои покои, так что поспеши собрать вещи и найти корабль. Академия выделит тебе денежное довольствие, двести огненов. Для твоего удобства они переведены в две тысячи четыреста маренов. Этого хватит с лихвой, если тратить размеренно и не роскошествовать. Также постарайся не распространяться о том, кто ты и откуда – сам говорил, народ не жалуется магов. Не стоит лишний раз нарываться на неприятности и тратить время: твоя цель – посох. Он, скорее всего всё ещё у этого твоего ученика, если, конечно, тот его не продал или не потерял, чему я бы несколько не удивился... – Вингевельд глубоко вздохнул и продолжил: – У тебя есть целый день, чтобы уладить свои дела, прежде чем отправишься. Не рассчитывай на быструю поездку. У нас нет сведений о местонахождении посоха или твоего ученика, так что выведать всё это тебе придётся самому. Впрочем, учитывая его темперамент, вычислить его будет несложно. Просто узнай, где в последнее время происходили пожары и разрушения, уверен он будет там! Полагаю, чтобы такое устроить, ему и магической силы не нужно.

Последние слова архимага произнёс с лёгкой издёвкой, и в душе Маркуса вспыхнули обида и негодование.

– А если мне не удастся отыскать посох? – мрачно спросил декан, понимая, каков будет ответ.

– Тогда ворота Академии закроются для тебя навсегда, – ледяным тоном ответил архимаг. – Либо ты исправишь свою ошибку, либо навсегда потеряешь шанс совершить новую. Ты всё понял?

– Да, господин архимаг, – коротко сказал Маркус и резко встал с кресла. – Я могу идти?

– Не смею больше тебя задерживать, – холодно произнёс Вингевельд, глядя на декана в упор. – И прошу, почисти мантию. Кошачья шерсть тебе не к лицу.

Маркус поправил воротник и быстрым шагом покинул ставший ненавистным кабинет. Его переполняли боль и обида. Они kloкотали в сердце, грозя сжечь изнутри. В такие минуты Маркусу хотелось что-нибудь спалить или взорвать, выпустить эмоции наружу, однако вести себя подобным образом на территории Академии он не мог, опасаясь причинить кому-то вред или стать объектом пересудов. Когда-то раньше он уходил на пустынное побережье и там, вдали от чужих глаз, давал волю эмоциям, но с годами решил, что это несолидно.

Теперь единственной отрадой Маркуса остался трактир «Сытый дракон», что находился в порту Вальморы. Там под незамысловатые моряцкие песни можно было отдохнуть от академических забот: поговорить с кем-нибудь, пропустить кружечку другую или просто поразмышлять в ни к чему не обязывающей обстановке. Учитывая полную потрясений работу Маркуса, архимаг и большинство преподавателей закрывали глаза на его маленькую слабость, поэтому в последние годы он посещал трактир каждую неделю.

На этот раз декан огня сделал исключение из своего распорядка и направлялся в «Сытый дракон» спустя всего три дня после последнего визита. Топая по коридору в старых сапогах, с грязными волосами, но в парадной мантии, трясаясь от собственного бессилия, он желал только одного: вырваться из этих проклятых стен. Правда перед этим он заглянул на кухню и попросил несколько кусочков бараньей печёнки, излюбленного лакомства Огонька.

Маркус вернулся к себе, скинул мантию и небрежно бросил её на неубранную кровать. Потом извлёк из глубин шкафа простую дорожную накидку, которую держал специально для таких походов. Декан Огня протёр мутное окно рукавом и посмотрел на небо. Солнце скрылось за невесть откуда появившимися серыми тучами, собирался дождь. Маркус не любил дождь. Не любил того уныния, которое он нагоняет; свинцовую хмарь, закрывающую солнце; темноту и мрак, воцаряющуюся, пока тёмное небо изливает потоки воды на землю. В последние недели такая погода была чуть ли не каждый день, но Маркус почему-то удивился тучам, заслонившим полнеба. Как будто в этот день всё должно было быть иначе, и сама природа обманула мага. Огонёк с аппетитом уплетал принесённое угощение, мурча от удовольствия. Маркус погладил кота по рыжей шёрстке и вздохнул.

– Хоть у кого-то сегодня день начался не столь паршиво.

Глубоко вздохнув, маг окинул беспорядок комнаты печальным взглядом и вышел, закрыв за собой дверь.

Маркус спустился вниз по лестнице и попал в холл. Ранним утром здесь не было ни души, лишь антимагическая арка возвышалась на каменном постаменте в самом центре. Грубо сложенная из чёрных, грубо обработанных глыб с редкими прожилками блестящего серебристого вещества, словно текущего меж камней, она выглядела здесь гостем из другого мира. Чтобы уберечь арку от любопытных студентов, её обнесли деревянной оградой, на которую наложили мощные охранные чары. Последний раз, когда кто-то пытался добраться до арки, случился пару лет назад.

Хулиганистый студент, напившись в порту, проник в холл среди ночи и решил взобраться на каменную громаду. К счастью, ему не удалось преодолеть и ограждения, так что дуралей отделался всего лишь сильным обморожением и ампутацией пары пальцев. Обычно таких случаев хватало, чтобы студенты не помышляли о подобном несколько последующих лет. Но

рано или поздно любопытство или хулиганство брало верх над очередным лоботрясом, и история повторялась. Арка оставалась невредимой, а студенты усваивали очередной урок.

Говорили, будто бы это сооружение испокон веков стояло на этом месте, и стены Академии возвели уже вокруг неё. Маркус не знал, так ли оно на самом деле, но всякий раз проходя мимо арки, он чувствовал странный холодок где-то глубоко в груди, ноги становились тяжёлыми, а дыхание перехватывало. От всего этого магу становилось не по себе, так что он старался не задерживаться в холле дольше обычного.

Вдруг в памяти возник тот самый день, о котором напомнил архимаг. Мальчишка со связанными руками дрожит на постаменте рядом с аркой, в его глазах слёзы и немая мольба. Маркус цепенеет от отчаяния и ужаса, осознавая, что сейчас случится. Вингевельд толкает мальчишку вперёд, и непроглядно-чёрный камень оживает. Белёные прожилки начинают сиять и перетекать по поверхности арки, словно жидкое серебро, а несчастный мальчик бледнеет на глазах...

Жуткое воспоминание отступило, и Маркус поспешил покинуть холл. Оказавшись во дворе, он направился туда, где возвышались ворота Академии. Искусный кузнец сплёл стальные прутья в нечто, напоминающее водоворот – символ Академии, который неизменно был на каждой здешней книге, парадной одежде и даже личной печати архимага. Его окружали изображения магов и заклинаний, выполненные столь искусно, насколько это вообще было возможно сделать, ограничиваясь лишь тонкими полосками металла. Врата стояли между двух башен в три человеческих роста каждая, а к этим башням примыкала каменная стена, отделявшая Академию от остального города, и через которую так любили порой перелезть студенты, тайно сбегавшие по ночам в Вальмору, когда старый смотритель ворот, наконец, уставал сопротивляться сну. Шел декан огня быстро, не желая попасть под собирающийся ливень.

Пройдя мимо гранитного изваяния Хельма Буревестника, маг ненадолго остановился. Основателя Академии называли Архимагом всех стихий, а Маркус, конечно, понимая, что это невозможно, каждый раз, проходя мимо, бросал на каменного мага скептический взгляд. Статуя эта вот уже многие века опиралась на посох, в посеребрённый набалдашник которого неизвестный мастер ушедших веков искусно вставил четыре камня: круглый тёмно-зелёный нефрит, символизирующий стихию земли; чистый и прозрачный кристалл горного хрусталя, означающий стихию воздуха; аквамарин в форме капли – знак воды, и, похожий на застывшее пламя, треугольный огненный янтарь. За порчу статуи студенту Академии полагалась порка и неделя в антимагических колодках из серебряной стали, а тех болванов, что попытаются выковырять камни из посоха, ждало немедленное отчисление.

– Тебя-то уж точно не вызывали вот так в кабинет, – в сердцах проговорил Маркус, бросив взгляд на вскинувшего руку каменного волшебника. – Хорошо, наверное, когда над тобой никого нет: некому с самого утра день испортить.

Подойдя к башенке, Маркус остановился. Открывать ему никто даже и не думал.

– Мельгиор? – негромко позвал маг, взглянув вверх. Ответа не последовало.

– Мельгиор? – повторил он чуть громче.

Сверху донеслось тихое ворчание и кашель, но спустя несколько мгновений снова стало тихо. Тогда маг, потеряв терпение, громко крикнул:

– Мельгиооор!

– А? – тут же из окошка башни показалась лысая голова седобородого старичка. – Что ещё? Кто здесь? Маркус? Неужто не спится?

– Архимаг вызывал с утра, вот я и решил в город прогуляться.

– Неважное же ты время выбрал, – проговорил старик, щурясь на горизонт. – Ты ведь уже не мальчик под дождём носиться. Пережди под крышей.

– Там, куда я иду, тоже крыша есть, – неприветливо буркнул маг в ответ. – Открывай.

Мельгиор зевнул, с кряхтением взобрался на окно и, сделав шаг, полетел вниз с башни. За несколько футов до земли старик взмахнул руками и поток ветра мягко опустил его на траву. Когда Маркус оказался по ту сторону, Мельгиор со вздохом покачал головой и запер ворота. Мгновение спустя ветер подхватил его, словно осенний лист, и вернул в башню.

За стенами Маркуса ждал совсем другой мир. В отличие от сонной размеренности Академии, которую лишь иногда нарушали шалости студентов, жизнь в Вальморе кипела днём и ночью. Мощёная дорога огибала жилые районы и вела прямо в порт, всё такой же сырой, пропахший морем и, несмотря на ранний час, многолюдный. Хоть с моря дул холодный ветер, гнавший чёрно-синие тучи в сторону Вальморы, казалось, никому нет до этого дела.

Разодетые торговцы с разных концов света заговаривали покупателям зубы в надежде повыгоднее сбыть свой товар. Жители и гости города направлялись по своим делам, то и дело озираясь по сторонам. Грузчики волокли тюки и катили бочки с приставших кораблей, а моряки, ступившие на долгожданную сушу, спешили в ближайший кабаk, чтобы с пользой провести то недолгое время, что отведено им на суше. Среди всего этого портового хаоса многочисленные мошенники и карманники опытным взглядом охотника выискивали очередную жертву, которой обычно оказывался какой-нибудь беспечный чужеземец или молодой студент Академии, отпущенный на выходные.

В конце недели студентам позволялось покидать стены Академии, и этот день становился головной болью для всего города. Юные маги, пусть их было и не так много, дорвавшись до свободы, порой теряли над собой контроль и могли легко затеять драку или, если речь о студентах огня, устроить пожар. В этом случае, ответ нёс не кто иной, как декан огня, и Маркус благодарил богов, что неделя была далека от завершения.

Как и в любом порту, запах смолы и рыбы пронизывал буквально всё, въедаясь в лёгкие с каждым вздохом и вызывая у Маркуса тошноту. Но всё же что-то отличало порт Вальморы от других. Нечто такое, что присуще только городу магов, и речь даже не о том, что местная городская стража носила щиты, обитые тонкими пластинами серебряной стали.

Во всех этих бочках, мешках и сундуках были не только провизия, вино и ткани, но и взрывоопасные порошки, едкие жидкости, изящные колбы и тончайшие стеклянные трубки, которые невозможно сотворить без магии. Покупателями и продавцами этих диковинок, разумеется, были не обычные горожане, а маги и алхимики, работающие в Академии, приехавшие из Хельмгарда магистры или волшебники на службе у лордов с большой земли.

Маркуса порой забавляло, с каким жаром могут торговаться обычно почтенные маги-преподаватели, стремясь урвать желанную диковинку или нужный алхимический инструмент. Ему и самому случалось покупать здесь за свои кровные то, что уничтожали студенты факультета огня.

Несмотря на раннее время суток, порт уже кипел жизнью, и Маркусу пришлось внимательнее смотреть вокруг, чтобы ненароком не сбить кого-нибудь с ног и не быть сбитым самому. А самое главное – следить, чтобы его деньги, зазывно побрякивавшие в кармане штанов, не перекочевали в чужой карман. Пройдя мимо многочисленных палаток и лотков, маг оказался возле двухэтажного здания, окна в котором закрывало множество

скреплённых друг с другом стеклянных кругляшей, напоминавших бутылочные доньшки.

Открывая давно знакомую дверь, Маркус привычно скользнул взглядом по деревянной табличке. Она была украшена изображением лежащего на спине крылатого ящера, сложившего на раздувшимся животе перепончатые лапы-крылья.

Внутри оказалось пусто, если не считать самого хозяина, со скучающим видом протиравшего кружки за стойкой, и какого-то пьяницы, безмятежно спавшего за столом у окна. Хозяин, коротко стриженный русоволосый эльф в слегка заляпанном фартуке, бросил усталый взгляд на приоткрытую дверь и расплылся в улыбке.

– Кого я вижу! Маркус Аронтил, собственной персоной! А ты что-то, зачастил, не ждал тебя сегодня, особенно в такую рань. Гляди, кое-кто еще не успел убраться, – эльф кивнул в сторону спавшего человека. – Со вчерашнего вечера тут торчит! Пьянствовал с другими такими же оборванцами, они-то ушли, а про него, видимо, забыли. Или решили подождать, пока проспится... Может вернуться за ним вечером. Ну да и чёрт с ними! Тебя-то что сюда привело посреди недели?

– Уж точно не радостные вести, Бэйл, – печально проговорил Маркус, подходя к стойке. Эльф сочувственно покачал головой.

– Неприятности в Академии?

Маг сел на стул возле стойки, брезгливо подстелив под себя полы накидки, и глубоко вздохнул.

– Понимаешь, есть люди, решения которых от меня не зависят. И иногда эти решения касаются меня самым неприятным образом.

– Архимаг, – понимающе кивнул эльф. – Что же старый сумасброд придумал на этот раз? Неужели снова проверка?

– Если бы. Помнишь мальчишку, что жил со мной в Академии?

– А кто же его не помнит? Отличный парень был, весёлый, находчивый. Правда, однажды чуть пожар здесь не устроил, но это дело прошлое. Уж что что, а веселиться он умел! – в карих глазах эльфа отразилась печаль. – Жаль, конечно, что его отчислили. Помнится, ты возлагал на него большие надежды.

– Да, – негромко сказал Маркус, сглотнув подкативший к горлу ком. – Возлагал. Когда-то. А теперь даже не знаю, что с ним стало, жив ли он. Но, благодаря нашему дорогому господину Вингевельду, похоже, скоро узнаю.

– Каким же это образом? – эльф достал из-под стойки стакан из мутного стекла, дыхнул в него и начал протирать.

– Меня отправляют на большую землю. На поиски, – обречённо вздохнул маг, подперев голову двумя руками.

– Но ведь... – эльф поставил стакан на полку позади себя, не отрывая взгляда от Маркуса. – Это же бессмысленно! Кто знает, где мальчишка сейчас? Подозреваю, годы не шадят даже магов: у старика не всё в порядке с головой.

– Иногда меня тоже посещают такие мысли. Но мне кажется, он просто решил от меня избавиться. Наверняка скоро посадит на моё место какого-нибудь перспективного волшебника. Кого-то помоложе... Но, как бы то ни было, меня не будет здесь довольно долго, а поэтому налей-ка мне, дружище, как обычно!

Бэйл деловито, без лишних слов поставил перед Маркусом деревянную кружку, извлёк откуда-то из-под стойки непрозрачную бутылку и, с лёгким хлопком откупорив её, наполнил кружку почти чёрной пенной жидкостью. Маг поднёс её к сухим губам, втянул терпкий

хлебный аромат и уже собрался было пригубить, но, внезапно нахмурившись, с хрустом сжал худые кулаки и поставил её обратно.

– Нет, к чёрту. Только не сегодня, – негромко сказал маг, отодвигая от себя выпивку. – И ты, Бэйл, знаешь это не меньше моего. Я осушу эту кружку, следом за ней другую, третью... А ведь ещё нужно успеть найти судно. И что же будет, когда завтра я взойду на борт с мутной головой и шатающейся походкой. Матросня будет за глаза посмеиваться над опухшим лицом декана огня Академии магии с синяками под глазами? Предлагать старику похмелиться? Нет. Хоть пламя внутри и бушует, грозит сжечь, но довольно мне топить его в кружке. Быть может, архимаг решил спровадить меня именно по этой причине, а поиски – это лишь повод, но я не хочу дать ему лишний раз убедиться в своей правоте! Да и потом, это, быть может, мой последний день в стенах этого города! И, пусть день не самый лучший, но я хочу запомнить его во всех деталях!

Маркус незаметно для себя почти перешел на крик, отчего пьяница у окна недовольно всхрапнул, проворчал что-то сквозь сон и перевернулся на другую щеку.

– Дело твоё, друг мой, – спокойно, в контраст с голосом Маркуса, сказал Бэйл, пожав плечами, – Но чем же ты в таком случае планируешь заниматься весь оставшийся день? И не пытайся уклониться ответом «попробую найти себе занятие». В Вальморе, кроме возни со студентами, тебе заняться нечем, но этот вариант уже не про тебя. Просиживать сутки напролёт в библиотеке или часами собирать травы в заповеднике ты не станешь. Так что единственное место, где ты не умрёшь от скуки – здесь. Кстати говоря, вчера у матросни только и разговоров было, что о надвигающейся непогоде. Капитаны опасаются штормов и ни одно судно не покинет бухты по меньшей мере до конца недели.

Лицо Маркуса приобрело выражение глубочайшей безнадежности. Он даже покосился на кружку с пивом, и эльф не мог этого не заметить.

– Ты, похоже, решил окончательно испортить мне настроение, Бэйл, – уныло проговорил маг. – Мои покои завтра займёт новый декан. Я надеялся отплыть сразу же, а теперь придётся искать ночлежку в городе на время непогоды.

Бэйл обладал редкой способностью возвращать Маркусу веру в лучшее даже в самый паршивый день, и порой ему для этого даже не нужна была выпивка. Но сейчас, похоже, даже он был бессилен.

– Всё лучше, чем разбиться о скалы посреди Закатного моря, – заметил эльф.

– Архимаг будто специально сделал всё так, чтобы мне было как можно хуже! Послушай, я ведь только что был на улице и видел эти тучи. Не похоже это на шторм! Неужто моряки боятся дождя и пасмурной погоды? Всё бы отдал, чтобы поскорее убраться с чёртового острова!

Эльф вздохнул и отвёл глаза.

– Выкладывай, – мрачно проговорил Маркус. – Тебе наверняка что-то известно. Я знаю этот взгляд, он всегда тебя выдавал.

– Ладно, – уклончиво произнёс Бэйл и указал пальцем на пьяницу. – Знаешь, кто это дрыхнет?

– Откуда? Я же его впервые вижу.

– Ну так слушай. Вчера краем уха я услышал его разговор с друзьями, пока он ещё был способен членораздельно говорить. Так вот, оказывается он служит лоцманом на одном из кораблей, стоящих сейчас в порту. Кажется, «Звезда запада».

– И что же с того?

– Вот от них я и узнал, в ближайшую неделю ни один корабль не покинет порт.

– Тогда, видимо, мне ничего не мешает сегодня выпить.

– Ах, Маркус, – добродушно сказал эльф, отодвигая кружку. – Я знаю, маги огня не славятся терпением, но дослушай до конца. Да, из порта действительно не выйдет ни одно судно. Кроме того, на котором служит этот лоцман. Судя по его словам, корабль отплывает завтра в полдень. Он ещё говорил что-то о «чёртовом безумце, который не щадит ни себя, ни нас», видимо о своём капитане, но его слова были полны уважения. Мол, он мастер своего дела и ему не впервой отправляться в «пасть морского дьявола».

Маг задумался. С одной стороны – новость хорошая. Есть корабль, отплытие завтра. Но вдруг опасения моряков не напрасны, и непогода действительно перерастёт в шторм? Маркус никогда не плавал в шторм. Он вообще редко покидал остров и жутко не любил море. Возможно оттого, что он огненный маг, чуждый водной стихии по своей природе, а быть может и оттого, что морская болезнь, мучающая добрую половину путешественников, не обошла стороной и его. Впрочем, желание как можно скорее уплыть подальше от архимага перебороло все страхи.

– Быть может, то тебе удастся уговорить Вингевельда отправить тебя позже, когда море поутихнет, – осторожно предложил эльф.

– Нет! – неожиданно для самого себя рявкнул маг. – Я не собираюсь больше показываться архимагу на глаза и тем более просить его о чём-то. Шторм так шторм, и будь что будет.

На лице Бэйла отразилось неохотное согласие.

– В таком случае лучше бы тебе поторопиться.

– Да. Так я и сделаю! – ответил Маркус, взглянув в окно на портовую суету. – Вечером я найду к тебе. Поболтаем, если будет время, Бэйл.

С этими словами маг, наскоро попрощавшись с эльфом, быстрым шагом вышел из трактира и направился к пристаням. Первые мелкие капли дождя заставили многих искать крышу, так что спрашивать о корабле приходилось у недовольных грузчиков, которым было некуда деться. Наконец, Маркусу повезло, и ему указали на искомое судно, которое оказалось внушительных размеров кораблём. На его спущенных белых парусах угадывалось изображение сине-голубой звезды, а нос венчала фигура морской девы. Резчик по дереву определённо постарался над её обнажённой грудью, но вод рыбий хвост выглядел будто выточенным напек.

К счастью, на палубе оказался рослый мужчина с густой чёрной бородой. Облачённый в тяжёлый на вид плащ, он, будто вовсе не замечая дождя, спустился на пристань и молча встал перед магом, заставив того слегка смутиться.

– Я Маркус Аронтил, декан огня из Академии. Могу ли поговорить с капитаном?

– Капитана увидеть нельзя. Я ему ста'рший помощник, – после небольшой паузы ответил тот с тяжёлым иноземным акцентом: ударения падали на последний слог, а звук «р» будто бы застревал у него в горле. – Хотите каюту?

– Да, – облегчённо ответил Маркус. Он уже начал представлять, как придётся всё объяснять иностранцу. – Мне нужна каюта на одного, а ещё место для сундука с вещами.

– Хо'рошо. Сто огген.

Маркус поймал себя на мысли, что даже не знает, много это или мало за корабельную каюту. Впрочем, выбирать ему не приходилось, поэтому он согласился, не раздумывая. Быть может, это его последний шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5h9>